

NYX_RAE

ОДЕРЖИМОСТЬ
ТРЕЗУБЦА:
ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ
ТРОИМ

Нyx_Rae
Одержимость Трезубца:
Принадлежащая троим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74061617

0101

Содержание

Глава 1. Лекарства нет	4
Глава 2. Это бессмысленно	16
Глава 3. Неужели я так и умру девственником?	23
Глава 4. Проведи ночь со мной	28
Глава 5. Игра началась (18+)	39
Глава 6. Мужчины, которые берут то, что хотят	46
Глава 7. Никогда не делал этого раньше? (18+)	56
Глава 8. Кого ты хочешь почувствовать внутри себя первым? (18+)	66
Глава 9. Без осечек (18+)	72
Глава 10. Она более чем готова (18+)	80
Глава 11. Я... принадлежу себе (18+)	89
Глава 12. Я больше не девственница	97
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Одержимость Трезубца: Принадлежащая троим

Глава 1. Лекарства нет

От лица Серафины

– Этого не может быть... Это неправда... это... это ложь.

Мой голос казался мне чужим, словно он принадлежал кому-то другому, кому-то, застрявшему в кошмаре, из которого невозможно было проснуться. От стерильного запаха антисептика и холодного воздуха кондиционера меня мутило. Слова дрожали в воздухе – хрупкие, отчаянные, – но бумага в моей руке не лгала. Она была белой, хрустящей, официальной и невыносимо жестокой.

Доктор сидел напротив меня, положив локти на стол из красного дерева, и так крепко сцепил пальцы, будто боялся собственных слов. Его табличка с именем блестела под флуоресцентной лампой: «Доктор Хендерсон». Я не могла долго смотреть ему в глаза; они были слишком добрыми, слишком сочувствующими.

– Мисс Серафина... – начал он, но его голос уже дрожал, уже извинялся, ещё до того как он произнёс слова.

Я прервала его, прижимая отчёт к груди, словно могла раздавить его, стереть, превратить в пыль. – Вы лжёте. Это...

это не может быть правдой. Может, это путаница или системная ошибка, или... – я рассмеялась, и звук получился резким и пустым. – Может, аппарат сломался, а? Скажите, что он сломан, доктор. Скажите, что это ошибка.

Его молчание было тяжелее признания.

Тиканье часов на стене казалось громче биения моего сердца, отсчитывая секунды, которых, как я вдруг поняла, у меня не было.

Доктор Хендерсон медленно выдохнул, выражение его лица смягчилось – человек, привыкший сообщать плохие новости, но никогда – такие. – Хотел бы я это сказать, мисс Серафина. Правда, хотел бы. Но анализы перепроверяли... дважды. Снимки это подтверждают. Мне жаль, но мы ничего не можем сделать.

Его слова вонзились в меня, как ножи.

Я тупо уставилась на него. Ничего. Лечения нет. Эта фраза эхом отдавалась в моём черепе, снова и снова, пока не опустошила меня изнутри.

– Вам осталось жить меньше шести месяцев, – продолжил он размеренным, мягким голосом, словно это могло облегчить восприятие. – Или даже меньше, в зависимости от того, как быстро будет прогрессировать состояние. Если нам... повезёт, – его голос дрогнул, – у вас может быть год.

Я моргнула. Раз. Другой. А затем воздух вырвался из меня резким, срывающимся смехом.

– Год? – Слово треснуло, как стекло. – Вы называете это

везением? Год?

Я смеялась всё сильнее, звук становился громче, диче, пока не превратился во что-то уродливое. Слезы хлынули без предупреждения... горячие, свежие, злые слёзы, которые всё застилали. Грудь болела от смеха, от слёз, от чувств.

– Какая разница, если я всё равно умру? – прошептала я сквозь стиснутые зубы. Мой голос дрожал, густой от ярости и отчаяния. – Шесть месяцев, год, пять лет, какое это имеет значение? Это всё равно смерть, не так ли?

Он не ответил. Его лицо говорило обо всём. Такое лицо бывает у врачей, которые уже слишком много раз играли в Бога и проигрывали.

Доктор Хендерсон вздохнул, потирая виски. – Я знаю, это тяжело слышать, мисс Серафина. Есть лечение... экспериментальные варианты, паллиативная помощь, которая может облегчить симптомы, выиграть вам время...

– Время? – рявкнула я. – Выиграть мне время? Время для чего? Чтобы считать дни до того, как я перестану дышать?

Он выглядел так, будто хотел возразить, убедить меня, что где-то в медицинских терминах всё ещё похоронена надежда, но я видела это в его глазах... её не было. Он лишь пытался сделать моё падение не таким жестоким.

Я снова уставилась на бумагу, на чёрные буквы, пляшущие на белой странице. Слова сливались воедино: Стадия IV. Терминальная. Неоперабельная.

Терминальная.

Это слово ударило меня сильнее, чем любое разбитое сердце.

В моей голове, как на киноплёнке, пронеслись мгновения... мой смех, мамина улыбка, солнечный свет в кухонном окне, ночи, проведённые в мечтах о будущем, которого я никогда не достигну. Всё это обратилось в ничто. Лишь тени.

Тишина затянулась. Комната казалась меньше, холоднее.

– Мне жаль, – снова прошептал доктор Хендерсон, его голос был едва слышен. – Но лечения нет.

Что-то внутри меня треснуло.

Никакого лечения.

Никакого чуда.

Просто срок годности.

Я прижала дрожащую руку к груди, будто могла удержать себя от распада, но это было бесполезно. Моё сердце билось слишком быстро, слишком громко, словно пыталось убежать от правды.

Мои губы приоткрылись, но слова не шли. Что тут скажешь? «Почему я»? «Что я сделала»? Вселенной было всё равно.

Я наклонилась вперёд, уперевшись локтями в колени, слёзы капали на медицинский отчёт. Мои пальцы сжались на краях, пока бумага не помялась, не сморщилась и не порвалась слегка под давлением.

– Мне двадцать четыре, – наконец сказала я, и слова прозвучали тихо и хрупко. – Я ещё даже не жила.

Доктор не смотрел на меня. Он не мог.

Я снова рассмеялась, на этот раз слабее, и звук растворился в рыдании. – Я ещё даже не испытала, что значит по-настоящему любить, – прошептала я. – Я не видела Париж, я не... – моё дыхание прервалось. – Я не сделала ничего, ради чего стоило бы умереть.

Голос доктора Хендерсона был мягким, осторожным. – Вот почему вы не должны сдаваться. Ещё есть время, чтобы...

– Время на что? – с горечью перебила я. – Прощаться? Делать вид, что я в порядке? Начать вычёркивать пункты из списка, пока не истекло время?

Его губы приоткрылись, но я не стала ждать ответа.

Я резко встала, и стул с резким скрипом проехался по полу, заставив нас обоих вздрогнуть. Отчёт скомкался в моей руке, когда я схватила свою сумку со стула рядом.

– Мисс Серафина, пожалуйста, – сказал он, приподнимаясь со своего места. – Вам нужно обсудить варианты лечения...

– Какой смысл в лечении, – прошептала я дрожащим, срывающимся голосом, – если я всё равно умираю?

Он замер.

Я чувствовала его взгляд на себе, когда повернулась к двери, но не оглянулась. Я не хотела видеть жалость... ни от него, ни от кого-либо ещё.

Отчёт дрожал в моей руке, когда я вышла из кабинеты.

та; флуоресцентные лампы слабо гудели надо мной. Впереди простирался коридор... длинный, пустой, стерильный. Я шла, не видя, не думая, мои каблуки стучали по плитке, словно вели обратный отсчёт.

Шесть месяцев.

Год.

Какая разница?

Я знала лишь одно: моя жизнь, какой бы она ни была, только что закончилась в той комнате.

Воздух за стенами больницы казался тяжелее, чем несколько минут назад. Может быть, потому, что теперь я несла в груди груз своего срока годности. Мир не перестал вращаться; люди по-прежнему двигались, машины по-прежнему сигналили, где-то вниз по улице по-прежнему раздавался смех. Жизнь продолжалась, жестоко не замечая, что для моей только что запустили обратный отсчёт.

Я стояла у ворот больницы со скомканным отчётом во вспотевшей ладони. Бумага жгла кожу, как кислота. Мне хотелось выбросить её, сжечь, стереть доказательство того, что мои дни сочтены, но я не могла. Это было всё, что осталось от моей правды.

Мягкий ветерок коснулся моего заплаканного лица, но даже воздух казался безразличным.

Мне следовало бы вызвать такси, но у моих ног были другие планы. Я пошла пешком. Сначала медленно, потом быст-

рее. Мои каблуки стучали по тротуару в прерывистом ритме. Мысли неслись быстрее шагов, каждый удар сердца был криком.

Улицы расплывались вокруг меня... неоновые вывески, прохожие, город, пульсирующий жизнью, частью которой я себя больше не ощущала. Я сунула дрожащие руки в карманы пальто, пытаюсь удержаться, чтобы не рухнуть прямо на тротуаре.

А потом... я подумала о нём. Об Адриане.

Моя грудь заныла так, как это не имело ничего общего с моей болезнью.

Адриан... мой свет в этом хаосе. Моё спокойствие после бесконечных бурь. Мы были вместе всего три месяца, но эти месяцы были для меня как кислород. Он легко смеялся, нежно любил, и впервые за много лет я почувствовала, что меня видят. Знают. Ценят.

А теперь... это? Смерть не просто крала мою жизнь – она крала и его.

Я сморгнула свежую волну слёз. Я не хотела идти домой. Не хотела сидеть в тишине и думать о смерти. Я хотела увидеть его. Мне нужно было ухватиться за что-то настоящее, даже если всего на одну последнюю ночь.

Не раздумывая, я повернула к квартире Адриана. Мои ноги слишком хорошо знали этот путь.

Когда я добралась до его улицы, было уже почти темно. Оранжевый оттенок заката омывал здания, окрашивая мир

в горько-сладкое сияние. Я остановилась у входа в его дом, глубоко вздохнула, поправила волосы и вытерла последние слёзы.

«Он не должен знать. Пока нет, – сказала я себе. – Не сегодня».

Я хотела, чтобы этот вечер был обычным. Лишь одно мгновение покоя, прежде чем всё рухнет.

Подойдя к его двери, я замешкалась. Свет внутри был выключен, но в этом не было ничего необычного. Адриан любил полумрак, говорил, что от света у него усиливаются мигрени. Я слабо улыбнулась. Типичный Адриан. Вечно хмурый, вечно драматизирует.

Я толкнула дверь, и петли тихо скрипнули. – Адриан? – позвала я, входя внутрь. – Ты дома?

Тишина.

Сквозь коридор пробивалось слабое свечение из-за двери его спальни. И тут я это услышала. Сначала тихо, почти как гул телевизора. Но когда я сделала ещё шаг, звук стал безошибочным.

Звук. Низкий. Гортанный. Ритмичный.

Стон.

Я замерла.

Сердце споткнулось в груди. – Какого хрена... – прошептала я себе под нос, выдавив слишком дрожащий смешок. – Серьёзно, Адриан? Опять смотришь порно?

Я сказала это, чтобы унять жгучее замешательство, на-

растающее внутри, но звук... он был слишком настоящим. Слишком близким.

Моя рука дрожала, когда я потянулась к двери спальни. Звуки становились громче... прерывистое дыхание, звук кожи о кожу, его низкий, хриплый голос, переплетающийся с женскими стонами.

Нет. Нет, нет, нет... пожалуйста, нет.

Я толкнула дверь.

И мой мир рухнул во второй раз.

Там был он. Адриан. Человек, который целовал мои слёзы, который обещал мне вечность. Его руки сжимали бёдра моей лучшей подруги... Кары. Моей сестры во всём, кроме крови. Единственного человека, которому я доверяла свои тайны, свою душу.

Комната пропахла потом, сексом, предательством.

Ногти Кары впивались ему в спину, пока она стонала его имя, теперь уже громче. Лицо Адриана исказилось от удовольствия... глаза закрыты, рот приоткрыт, он растворился в ней.

Я не закричала. Я не пошевелилась. Я просто стояла, и мир поплыл у меня под ногами.

Казалось, время замедлилось. Воздух был густым, удушающим. Моё сердце грохотало в ушах, но они не слышали его, они даже не видели меня.

Как поэтично. Я умирала, а они были слишком заняты своим грехом, чтобы заметить.

Что-то внутри меня треснуло... тихо, почти изящно. Мне хотелось плакать, но слёз не было. Моё сердце слишком онемело для этого.

Я медленно развернулась, каждый вздох был тяжелее предыдущего. Мне следовало уйти. Следовало уйти молча, исчезнуть, никогда не оглядываться.

Но тут холодный, почти насмешливый голос в моей голове прошептал: «Зачем уходить, не устроив небольшое шоу?»

Горькая улыбка скривила мои губы.

Мои руки двигались сами по себе, когда я вошла в кухню. Свет мигнул, осветив столешницу из нержавеющей стали, безупречную раковину. Мой взгляд упал на чайник. Я наполнила его водой, включила газ и стала ждать.

Шипение пламени вторило буре внутри меня.

Я огляделась. Мыло. Мои пальцы обхватили бутылку, выдавливая его в воду, которая начинала закипать. Пена медленно поднималась, насмехаясь, шипя, пузырясь.

Прошли минуты.

Их стоны по-прежнему доносились из спальни, всё громче, бесстыднее. Я чувствовала, как каждый звук вонзается в меня, словно осколки стекла.

Когда вода была готова, я выключила плиту и взяла чайник обеими руками. Моё отражение в стали... красные глаза, бледное лицо, дрожащие губы... я была похожа на призрака.

Может, я им и стала. Призраком, бродящим сквозь собственное разбитое сердце.

Я пошла к спальне, мои шаги были спокойными, твёрдыми, целенаправленными. Дверь всё ещё была открыта, и они по-прежнему были сплетены друг с другом, два тела, сочащиеся похотью и предательством.

На мгновение я просто смотрела на них. Смотрела, как мужчина, которого я любила, и подруга, которой я доверяла, уничтожают меня по кусочкам.

Затем, без единого слова, я подняла чайник и вылила на них кипяток.

Реакция была мгновенной.

Раздались крики... дикие, отчаянные, животные. Они отпрыгнули друг от друга, хватаясь за обожжённую кожу, простыни разлетелись во все стороны.

– Какого... хрена! – заорал Адриан, спотыкаясь, слезая с кровати. Кара взвизгнула, хватая подушку, чтобы прикрыться, слёзы текли по её лицу, пока она смотрела на своё ошпаренное плечо.

В комнате царил хаос... мокрые простыни, резкий запах мыла, звуки боли.

А я просто стояла. Молча. Наблюдая.

Наконец, его расширенные глаза нашли меня. – Серафина?! Какого хрена... что ты наделала...?

Кара замерла, и с её лица схлынула краска. – С-Серафина... – пролепетала она. – Это не... это не то, что ты подумала...

Я улыбнулась. Медленно. Холодно. Разбито.

– Какой приятный сюрприз.

Глава 2. Это бессмысленно

От лица Серафины

Тишина, наступившая после моих слов, была оглушительной. Комнату наполняло лишь их прерывистое дыхание, а отголоски их криков всё ещё слабо отдавались в воздухе.

Широко раскрытые карие глаза Адриана метнулись от чайника, который я всё ещё держала в руке, к моему лицу. Он выглядел как человек, увидевший призрак, восставший из могилы, и в каком-то смысле так и было. Кара, дрожа, прижимала к груди простыни, её ошпаренная кожа покраснела и пошла пятнами. Её некогда идеальные волосы прилипли к лицу, а тушь размазалась по щекам чёрными полосами.

Их полные ужаса лица преследовали меня с каждым шагом. Но вместо того чтобы сломить меня, этот образ лишь превратился во что-то мрачно-удовлетворяющее.

Я улыбнулась шире.

– Что? – спросила я, и мой голос прорезал тишину, словно стекло. – Вы оба выглядите удивлёнными. Разве вы не рады, что я здесь? – я склонила голову набок, и в моём голосе сквозила издевательская сладость. – Я просто решила присоединиться к веселью... по-своему.

Рот Кары приоткрылся, губы задрожали, а слова застряли у неё в горле. Адриан, спотыкаясь, потянулся за джинсами, прикрываясь ими. – Детка, пожалуйста... это не то, о чём ты

подумала...

– Закрой свою пасть, Адриан, – мой голос был ледяным. Я подняла руку, заставляя его замолчать, прежде чем он успел продолжить. – Даже если тебе захотелось пристроить куда-нибудь эту жалкую штуковину между ног, ты мог бы выбрать буквально кого угодно. – Мой взгляд метнулся к Каре. – Но её?

На одно долгое, напряжённое мгновение никто из нас не пошевелился.

Затем Адриан сделал шаг вперёд и дрожащим голосом произнёс: – Серафина... что, чёрт возьми, ты только что сделала... ты с ума сошла?!

Я склонила голову набок, слабо улыбаясь. – С ума сошла? – тихо повторила я. – Нет, Адриан. Это вы двое сошли с ума. Сошли с ума, решив, что можете трахаться у меня за спиной, и я не замечу. Сошли с ума, делая это в нашей постели.

Губа Кары дрогнула, когда она прижала ладонь к обожжённому плечу. – Фина, пожалуйста... это не...

Звук её голоса сломал что-то во мне. Я сократила расстояние между нами прежде, чем она успела договорить, и вцепилась ей звонкую пощёчину.

Хлопок раздался в воздухе, как выстрел.

Она закричала, схватившись за лицо, её глаза были широко раскрыты от неверия и боли.

– Не смей, – прошипела я, и мой голос дрожал от ярости. –

Не смей произносить моё имя этим ртом. Дешёвые шлюхи вроде тебя не имеют права его произносить.

Кара вздрогнула. – Фина, послушай меня...

Звук её голоса вызвал во мне новую волну ярости. Я шагнула вперёд и снова вlepила ей пощёчину, и звонкий хлопок эхом разнёсся по маленькой комнате. Она закричала, хватаясь за щеку, и новые слёзы смешивались с жгучей болью.

– Я доверяла тебе, Кара. Я любила тебя как сестру. Я делилась с тобой всем... своими секретами, мечтами, своим домом. Чего я тебе не дала? Что я сделала не так? – мой голос сорвался. – Скажи мне!

Кара зарыдала, качая головой. – Это просто случилось, Фина... Я не хотела...

– Ты не хотела? – я издала горький смешок. – Ты не хотела трахать моего парня? Предать единственного человека, который защищал тебя, когда все остальные называли тебя лгуньей? Залезть в мою постель, пока я боролась за жизнь?

Адриан схватил меня за руку. – Серафина, прекрати! Ты заходишь слишком далеко...

Я вырвалась и повернулась к нему, мой взгляд был острым, как лезвие. – Слишком далеко? Ты думаешь, я зашла слишком далеко, Адриан? Ты только что трахнул мою лучшую подругу в моей постели. Скажи мне, что после такого вообще можно считать «слишком далеко»?

Адриан снова шагнул вперёд с безумными глазами. – Хватит, Серафина! Она же извинилась! Я тоже извиняюсь, яс-

но? Но ты...

Он замялся, и его голос смягчился. – Ты не хотела со мной спать. Ты всё время говорила, что не готова, постоянно отталкивала меня. Что я должен был делать?

Я резко вскинула на него взгляд. – Ты должен был ждать, – прошипела я. – Ты должен был любить меня за то, какая я есть, а не за то, что я могу дать тебе в постели. Ты ведь это обещал, помнишь? Но, полагаю, для таких мужчин, как ты, обещания мало что значат.

Он стиснул зубы и пробормотал себе под нос: – Я не святой, Серафина. Я человек.

– Нет, Адриан, – холодно прошептала я. – Ты не человек. Ты эгоист. Ты слабак. Ты – это все грёбаные причины, по которым я перестала верить в любовь.

Он отвёл взгляд, в его глазах мелькнуло чувство вины, но затем он снова стиснул челюсти. – Ты даже спать со мной не хотела, – пробормотал он. – Ты постоянно меня отталкивала. Я не из камня сделан, Серафина! Я мужчина, у меня есть потребности...

Прежде чем он успел закончить, я влепила ему пощёчину. Изо всех сил.

А потом ещё раз.

Второй удар заставил его отшатнуться на шаг назад, прижимая руку к щеке. – Ты ублюдок, – сказала я сквозь стиснутые зубы. – Это твоё оправдание? Так ты это объясняешь? Ты решил удовлетворить себя с ней, потому что я не раздвиг

нула перед тобой ноги?

Глаза Адриана сверкнули. – Ты не понимаешь! Ты всегда была отстранённой, всегда в своём собственном мире. Мне нужен был кто-то, кто действительно хотел меня...

– Кто-то, кто хотел тебя? – я издала резкий смешок без тени веселья, мои глаза блестели. – Ты имеешь в виду мою лучшую подругу. Женщину, которой я доверяла свою жизнь. Это к ней ты пошёл за утешением?

Кара тихо всхлипывала на кровати, но я не обращала на неё внимания. Мой взгляд скользнул в угол комнаты, где у стены стояла бейсбольная бита. Я медленно пошла к ней, чувствуя на себе их взгляды.

Голос Адриана был едва слышным шёпотом. – Серафина... что ты делаешь?

Кара ахнула. – Фина... пожалуйста, не надо...

Я сделала шаг к бите; вид дерева был странно успокаивающим. – Знаете, – тихо сказала я, – часть меня хочет покончить со всем прямо здесь. Я могла бы. Это было бы так просто.

Адриан с трудом сглотнул, его голос дрожал. – Серафина... не делай глупостей...

– Глупостей? – повторила я со смехом, который был похож на рыдание. – Ты считаешь меня глупой? Ты трахнул мою лучшую подругу и называешь меня глупой?

Я подняла биту. Она оказалась тяжелее, чем я ожидала, из цельного дерева, и крепко легла в мои дрожащие руки.

Я приподняла её, глядя на их бледные, испуганные лица, и запах предательства густо висел в воздухе.

Мои костяшки побелели на рукоятке биты. Я подняла её достаточно высоко, чтобы заставить их вздрогнуть, чтобы страх в их глазах расцвёл.

Моя хватка усилилась. Сердце оглушительно загрохотало. На секунду я представила это... удовлетворяющий хруст ломающейся кости, прекрасный хаос, который последует за этим.

Но потом... я уронила её.

Бита глухо стукнулась об пол.

Моя грудь быстро вздымалась и опадала, пока я смотрела на них обоих. – Нет, – пробормотала я. – В этом нет нужды. Это бессмысленно. Вы не стоите усилий.

Я повернулась к зеркалу у комода и увидела своё отражение. Оно больше не было похоже на меня. Бледное лицо. Мёртвые глаза. Слабые следы слёз на щеках.

Пустой смешок сорвался с моих губ. – Если я умру завтра, – прошептала я в пустоту, – вы, вероятно, будете трахать другую женщину на моей могиле.

Они в ужасе уставились на меня, когда я снова повернулась к ним. – Между нами больше нет никакой связи, – сказала я, и мой голос теперь был спокойным, почти отстранённым. – Кара, раз уж ты решила променять годы дружбы на мужчину, теперь ты для меня ничего не значишь. И Адриан... – я сделала паузу, встречаясь с ним взглядом. – Наде-

юсь, она того стоила.

Подойдя к двери, я оглянулась через плечо. Вид их... полуголых, обожжённых и напуганных, должен был принести мне удовлетворение. Но всё, что я чувствовала, – это пустоту.

– Вы оба стоите друг друга, – тихо сказала я и вышла.

Глава 3. Неужели я так и умру девственником?

От лица Серафины

Дождь превращал уличные фонари в размытые золотые пятна, когда я, пошатываясь, вышла из дома Адриана, вцепившись в сумочку так, словно только она не давала мне развалиться на части. Прохладный воздух ударил в лицо, но не остудил пожар, что бушевал в моей груди. Казалось, сердце стало слишком большим для рёбер – ноющее, истерзанное и тяжёлое от всего, что только что случилось.

Я не побежала. Не могла. Небо над головой треснуло, раскаты грома прозвучали, словно издевательские аплодисменты, и с него начали срываться крупные капли... сначала редкие, потом всё чаще, пока мир не потонул в ливне. Холодный дождь промочил мои волосы до нитки, они прилипли к лицу и стекали по щекам, как слёзы, которых у меня больше не осталось.

Конечно же, пошёл дождь. Как поэтично. У вселенной жестокое чувство юмора.

– Ну давай, усугуби мои страдания, – пробормотала я, полусмеясь-полузадыхаясь. Голос сорвался на этом звуке. – Как раз вовремя.

Но я не сдвинулась с места. Не стала прикрываться или

искать укрытие. Я просто стояла посреди дороги, оцепеневшая и опустошённая, позволяя дождю смыть всё... его предательство, её ложь, моё неверие. Вода была холодной, почти ледяной, но не могла заглушить тупую боль, что разъедала меня изнутри. Я побрела дальше, без цели, туфли шлёпали по мокрому асфальту, пока город не превратился в размытое пятно из теней и неона.

Какое преступление я совершила, чтобы заслужить такое? Что я сделала настолько неправильно, что жизнь продолжает отбирать у меня всё, за что я пытаюсь ухватиться?

Голос доктора отдавался в голове эхом, как проклятие, от которого не избавиться. «Мне очень жаль, мисс Серафина, но лекарства нет».

Нет лекарства. Нет шансов. Нет надежды. Год... если повезёт. Скорее всего, полгода. А может, и меньше.

А теперь Адриан. Мой Адриан. Я всё ещё видела, как он смотрел на неё, как его тело двигалось в такт с её телом. Стон Кары до сих пор стоял у меня в ушах – резкий, отвратительный, раскалывающий череп.

Это было не просто предательство, это было уничтожение.

Я поднесла руку к лицу, вытирая слёзы, которые уже смешались с дождём. «Ты и так умираешь», – прошептала я себе, и мои слова дрожали от горечи. – «Так зачем бороться за то, что уже потеряно? Зачем держаться за то, что с самого начала было не твоим?»

У обочины притормозило такси. Я подняла руку, чтобы

его остановить. Она казалась свинцовой, пальцы дрожали. Водитель опустил стекло и, увидев, какая я промокшая, нахмурился. «Мисс, с вами всё в порядке? Куда едем?»

– В лаунж «Черная Вуаль», – ответила я, назвав первое, что пришло на ум – частный бар, который я когда-то видела, но в котором ни разу не была. Мой голос прозвучал отстранённо, словно чужой. – И не беспокойтесь о счётчике, – добавила я, доставая из сумочки мятые купюры. – Сколько бы ни стоило, остальное себе.

Он поколебался, но кивнул и тронулся с места. Я уставилась в окно, наблюдая, как город проносится мимо водянистыми золотыми и синими полосами. Из стекла на меня смотрело моё отражение... бледное, сломленное, призрак с лицом той, кто когда-то мечтал о будущем.

Когда мы остановились, я, не глядя, расплатилась и толкнула дверцу. Ночной воздух снова ударил в лицо, резкий и холодный. Вход в «Черную Вуаль» слабо светился: узкий проём, залитый багровым светом. Изнутри глухо доносились басы – низкое, ровное сердцебиение, совсем не похожее на моё.

Внутри было сумрачно и тепло. В воздухе сплетались ароматы дыма и парфюма. Люди смеялись, выпивали, двигались – они были живыми, и я внезапно им позавидовала. Я нашла свободную кабинку в затенённом углу. Она не была полностью скрытой, но там было достаточно темно, чтобы можно было притвориться невидимкой.

Подошла официантка. Её улыбка дрогнула при виде моей промокшей одежды и потёкшего макияжа. «Что будете заказывать?»

– Ром, – сказала я. – Чистый. Без всего.

Она моргнула. «Вы уверены? Он ведь...»

– Просто принесите, – прервала я её, мой голос был тихим, но резким. – Пожалуйста.

Когда она ушла, я откинулась на бархатное сиденье и почувствовала, как оно прилипает к влажной коже. В воздухе пахло виски и сожалением. Окружающий шум приглушился, отдалился. Я будто сидела под водой, запертая под её гладью, пока мир наверху продолжал жить своей жизнью.

Стакан с глухим стуком опустился на стол. Я подняла его, глядя, как в янтарной жидкости пляшут тусклые отблески барных огней. В ней мерцало моё отражение – незнакомка с затравленным взглядом.

– Похоже, настало время для безрассудных поступков, – пробормотала я, почти улыбнувшись. – А почему бы и нет?

Первый глоток обжёг горло. Второй – опалил. А третий показался почти успокаивающим.

Я закашлялась, слабо смеясь сквозь жжение, пока огненная струя стекала по горлу. «Боже, какая гадость, – прошептала я. – Как люди добровольно это пьют?»

Но я пила дальше. Потому что это было хоть какое-то чувство... не похожее на пустую, сокрушающую тяжесть в груди. Рука дрожала, когда я наливала ещё и ещё. Контурь ком-

наты начали расплываться, огни смягчились, смех растаял и превратился в тихий гул.

Я прижала пальцы к вискам и, глядя в стакан, прошептала: «Никакая боль не может ранить сильнее, чем эта».

Слёзы хлынули раньше, чем я успела их сдержать. Горячие, неумолимые, нескончаемые. Я пыталась их стереть, но они всё лились и лились, размывая всё вокруг... огни, стол, мои собственные руки. И я перестала сопротивляться. Я просто сидела, позволяя им падать, позволяя рому прожигать руины в моей душе.

Время утекало. Я не знала, сколько просидела так... минуты, часы, а может, и то, и другое. Стакан был пуст. И я тоже была пуста.

Когда я снова заговорила, мой голос был чуть громче шёпота. «Кстати, о том, что бывает в первый раз...» – сказала я, обводя дрожащим пальцем край стакана. – «У меня ещё никогда не было секса».

Слова повисли в воздухе – тихие, но весомые, отражаясь от сумрачных стен. Я рассмеялась... сначала тихо, потом горько, и смех оборвался, будто треснувшее стекло.

Последнее слово сорвалось с моих губ вместе со вздохом, который был наполовину рыданием, наполовину смехом.

– Я скоро умру, – прошептала я, задыхаясь. – Неужели я... так и умру девственницей?

Глава 4. Проведи ночь со мной

От лица Серафины

В этот раз ром обжигал уже не так сильно. А может, я просто привыкла к огню. К четвёртому стакану он стал похож на жидкую храбрость... или на жидкую погибель. Так или иначе, это действовало.

Я дрожаще выдохнула и уставилась на тусклые огни бара, словно они могли дать мне ответ. – Сегодня с этим будет покончено, – пробормотала я, то ли себе, то ли призраку той женщины, которой я когда-то была. Мой голос звучал странно... хрипло, резко, незнакомо. – Я пересплю с кем-нибудь.

Слова казались чужими на языке, но почему-то... освобождающими.

Я всегда была «хорошей девочкой». Той, что говорила «нет». Той, что ждала. Той, что верила в клятвы, в терпение, в то, что нужно быть готовой. Я цеплялась за фантазию, что любовь должна быть чистой, прежде чем стать страстной. Но посмотрите, к чему это меня привело.

Адриан не стал ждать. Ему было всё равно. А Кара... милая, улыбчивая, коварная Кара не колебалась ни секунды.

Я горько и безрадостно рассмеялась, взбалтывая янтарную жидкость в стакане. – Вот тебе и «берегла себя для того, кто даже не остался». Звук, сорвавшийся с моих губ, был уже не смехом, а дрожью, болью, обёрнутой в сарказм.

Ром почти закончился. Я налила ещё, не обращая внимания на жжение в горле, когда он проходил вниз. Мой взгляд уловил собственное отражение в зеркале за барной стойкой... размазанная тушь, волосы, прилипшие к влажным плечам, дрожащие губы, но глаза... мои глаза впервые за много месяцев были живыми. Дикими. Безрассудными. Сломанными, но по-своему красиво и опасно.

Я вытерла губы тыльной стороной ладони и встала. Голова слегка закружилась, но я взяла себя в руки, сделав глубокий вдох. – У тебя больше не будет возможности сделать это снова, Серафина, – прошептала я, сжимая сумочку. – Так что будь безрассудной. Хоть раз в жизни... просто живи.

Я скинула пиджак и бросила его на сиденье. Прохладный воздух коснулся моих обнажённых плеч, посылая мурашки по коже. На мне остались шёлковый топ без бретелек, облегавший грудь, и короткая чёрная юбка, обтягивавшая бёдра. Каблуки зацокали, когда я шагнула на танцпол, где тела двигались, словно тени... извиваясь, качаясь, растворяясь в ритме.

Бас бил глубоко, вибрируя в костях, пульсируя в такт моему сердцу. Я закрыла глаза, подняла руки и позволила музыке поглотить меня целиком. Моё тело двигалось инстинктивно, ведомое ритмом, горем и алкоголем. Каждое движение ощущалось как вызов... бунт против боли, против болезни, против каждого мгновения, что я сдерживала себя.

Впервые за вечность мне было всё равно, кто смотрит. Я

хотела забыть, что умираю. Я хотела забыть имя Адриана, предательство Кары, жалость доктора. Я просто хотела существовать – неприкрытой, настоящей и необузданной.

Но потом я почувствовала его... взгляд. Даже не один. Он пронзал туман толпы, обжигая кожу, словно физическое прикосновение. Мои движения сбились. Дыхание перехватило.

Я открыла глаза.

Трое мужчин сидели в дальнем конце бара, и все они смотрели на меня – без похоти или насмешки, но с напряжением. С любопытством. С опасностью.

На секунду я забыла, как дышать.

Первый... высокий, широкоплечий, с волосами черными, как грех, сложил руки на груди, и тихая усмешка тронула уголок его губ. Он выглядел так, будто мог подчинить себе всю комнату, не произнеся ни слова. Второй, более стройный, с серебристо-серыми глазами, склонил голову набок, изучая меня, словно я была загадкой, которую он хотел разгадать. Третий... Мой взгляд задержался на нём.

Он был сокрушительно красив.

Высокий и поджарый, но его фигура намекала на скрытую мускулатуру, на изящную, а не показушную силу. Его тёмные волосы были взъерошены, частично собраны сзади, но непокорные пряди обрамляли лицо. В нём было что-то дикое, первобытное, словно сдерживаемая буря.

Его глаза... гроззовые, голубые, а может, фиалковые под

тусклым светом, следили за мной с тихой напряжённостью. Длинные ресницы, чётко очерченная линия подбородка, губы, изогнутые в полуулыбке, которая выглядела одновременно насмешливой и заинтригованной.

Моё сердце споткнулось, а затем забилось чаще. Губы приоткрылись, дыхание стало прерывистым.

– Мужчины по вызову, – пробормотала я себе под нос, и уголок моего рта дёрнулся. – Должно быть, так и есть.

Потому что обычные мужчины так не выглядят. Не в реальной жизни.

Что-то безрассудное шевельнулось во мне – импульс, который я не узнавала, но которому не хотела сопротивляться. Я сделала шаг, затем ещё один, пока музыка снова не окутала меня, увлекая к ним, словно песнь сирены.

Их взгляды не дрогнули. Ни разу.

Подойдя к ним, я остановилась прямо перед тем, со взъерошенными волосами. Его взгляд медленно скользнул вниз по моему лицу, через плечи, на мгновение задержался на ключицах, прежде чем снова встретиться с моим. Это было похоже на прикосновение без прикосновения.

Я чувствовала его запах... чистый, мускусный, с лёгкими древесными нотками. От него у меня кружилась голова. Сердце колотилось в груди, и каждый нерв в моём теле кричал.

Я сглотнула; голос слегка дрожал, но был достаточно твёрдым. – Вы пялились.

Он не дрогнул. – Ты тоже.

Я почти улыбнулась. – Какая самоуверенность.

– Только когда она оправдана, – произнёс он низким, бархатным голосом.

Его друзья, как я поняла, обменялись многозначительными взглядами, но ничего не сказали. Тот, с серебряными глазами, едва заметно усмехнулся, потягивая свой напиток. Другой просто откинулся на спинку сиденья, наблюдая за мной с непроницаемым видом.

Мои пальцы сжались на краю стойки. – Вы... мужчины по вызову? – прямо спросила я, почти смеясь, когда произносила это.

Сереброглазый усмехнулся. – А если бы и так, это бы что-то изменило?

Я склонила голову набок, задумавшись. – Возможно, не сегодня ночью.

Он приподнял бровь. – И что же это за ночь?

– Та, в которую всё заканчивается, – тихо, почти шёпотом, сказала я, хотя сама не была уверена, имела ли я в виду свою жизнь, свою боль или свой страх. – И, может быть, начинается что-то новое.

В их взглядах промелькнуло что-то... любопытство, может, беспокойство, а может, ирония. Но мне было всё равно. Я пришла сюда не за спасением.

Я снова посмотрела на того, со взъерошенными волосами, который ни разу не отвёл взгляда. Теперь он был так близко,

что я видела слабую пульсацию у основания его шеи. Мой голос прозвучал тихо, почти хрупко.

– Красивый, – пробормотала я.

Он моргнул, слегка опешив. – Что?

Я слабо улыбнулась, проводя пальцем по краю его стакана. – Ты красивый.

Воздух между нами сгустился. Сердце мучительно заколотилось в груди, но я не отступила. В этот раз я не собиралась отступить.

Когда я наконец заговорила снова, мой голос был твёрдым, едва громче шёпота, но его было достаточно, чтобы прорваться сквозь музыку, смех и шум.

– Проведи ночь со мной.

Воздух между нами затрещал от чего-то электрического, опасного. Его грозовые глаза впились в мои, в их глубине плясала ленивая насмешка, дразнящий огонёк, от которого у меня скрутило живот. Он шагнул вперёд, так близко, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретить его взгляд, так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло, вдыхала пьянящую смесь кедра и чего-то более тёмного, дикого.

– Похоже, ты не знаешь, кто мы такие, – пробормотал он, его голос был низким, бархатистым мурлыканьем.

Я вздёрнула подбородок, мой голос прозвучал резче, чем я хотела. – Вы эскорт.

В его груди пророкотал смешок, тёмный и всезнающий. Он наклонился ближе; от этой близости у меня перехватило

дыхание, а пульс сбился. – Мы пас.

Слова ударили меня, как пощёчина. Лицо вспыхнуло, унижение свернулось в груди. – Я заплачу вам, – выпалила я, отчаянно и безрассудно. – Любую сумму. Назовите свою цену.

Его усмешка стала только шире. – Не интересует.

Поражение накрыло меня, тяжёлое и удушающее. Я вздохнула, мои плечи опустились. – Хорошо. Я найду кого-нибудь другого.

Я развернулась, щёки пылали, сердце колотилось от смущения. Бог, я хотела, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. Я сделала шаг, каблуки зацокали по полу... и тут его рука легла на моё запястье.

Его хватка была твёрдой, непреклонной. – Я снесу им головы, прежде чем они посмеют даже вздохнуть рядом с тобой, принцесса.

Я ахнула, мой взгляд метнулся к его глазам. Он что, сумасшедший? Кто в здравом уме говорит такое?

– Ты сказал «нет», – огрызнулась я, вырывая запястье. – А я хочу найти кого-то, кто согласится провести со мной ночь.

Он притянул меня ближе, его пальцы снова сомкнулись на моём запястье, и от его прикосновения по мне пробежал разряд. – Я лишь немного беспокоился за тебя.

Я фыркнула, мой голос дрожал. – Беспокоился? Почему?

Его смешок был тёмным, от него по спине пробежал холодок. – Потому что я не уверен, что ты нас выдержишь.

Мои глаза расширились. Нас?

– Я выбрала тебя, – произнесла я, едва слышно.

Его губы изогнулись в улыбке, полной зубов. – В том-то и дело, принцесса. – Его большой палец медленно, осознанно чертил круги по моему пульсу, а его грозовые глаза впились в мои. – Ты не выбирала.

Воздух между нами стал таким густым, что можно было задохнуться.

Его пальцы, длинные, изящные, с мозолями, которые намекали, что он точно знает, как ими пользоваться, всё ещё сжимали моё запястье – не так сильно, чтобы оставить синяк, но достаточно твёрдо, чтобы напомнить: я никуда не уйду, пока он не позволит.

Его большой палец медленно, осознанно чертил круги по моему пульсу, и я чувствовала его... каждый удар, каждое беспорядочное трепетание, словно он считал секунды до того, как я сломаюсь.

Мне следовало бы ужаснуться.

Мне следовало бы сбежать.

Но то, как его грозовые глаза потемнели, пока он изучал меня, то, как его губы изогнулись во что-то среднее между усмешкой и угрозой, послало предательский жар, скопившийся внизу живота. Моё дыхание перехватило, бёдра инстинктивно сжались, словно это могло унять странное, ноющее напряжение, свернувшееся внутри меня.

Что, чёрт возьми, со мной не так?

Я тяжело сглотнула и, едва слышно прошептав, повторила: – Ты сказал «нет».

Его смешок был тёмным, бархатистым – такой звук проскальзывает под кожу и оседает в костях. – Сказал. – Он наклонился, его тёплое дыхание коснулось моей ушной раковины, а его запах окутал меня, словно обещание. – Но я передумал.

Мой пульс подскочил. – Почему?

Его губы коснулись чувствительной кожи прямо под мочкой моего уха, и я содрогнулась. – Потому что, принцесса, – пробормотал он, и это слово прозвучало одновременно как ласка и насмешка, – я не уверен, что ты нас выдержишь.

По моей спине пробежала дрожь.

Нас.

Это слово повисло в воздухе, тяжёлое от подтекста.

Я оторвала от него взгляд и позволила ему метнуться к двум другим мужчинам, пока мой разум лихорадочно работал. Тот, что шагнул вперёд, Бог, он был красив до боли. Словно клинок в шёлковых ножнах. Его безупречная чёрная рубашка была застёгнута на все пуговицы, серебряные запонки поблёскивали в тусклом свете бара, но в нём не было ничего чопорного.

Его тёмно-каштановые волосы были зачёсаны назад, открывая острые скулы, которыми можно было резать стекло, а его пронзительные серые глаза сияли чем-то слишком всезнающим, слишком голодным.

Его губы изогнулись в полуулыбке, которая не коснулась глаз, потому что его глаза были слишком заняты: они разделяли меня, запоминали, владели мной ещё до того, как я на что-либо согласилась.

– Если ты хочешь его, – сказал он голосом, гладким, как выдержанный виски, – то это значит, что ты хочешь нас всех.

У меня перехватило дыхание.

Я заставила себя посмотреть на третьего мужчину, того, что до сих пор молчал. Он всё ещё сидел, закинув руку на спинку диванчика, и его поза была обманчиво расслабленной.

Но не было ничего расслабленного в том, как его тёмные глаза впивались в меня, словно угли в глухой ночи. Высокий, широкоплечий, в сшитой на заказ чёрной рубашке, расстёгнутой ровно настолько, чтобы дразнить рельефными мышцами груди, он источал холодный, смертоносный магнетизм.

Его черты были острыми, симметричными, сокрушительными, словно скульптура, вырезанная из тени и греха. Он не улыбался. Ему и не нужно было. Одного лишь веса его взгляда было достаточно, чтобы моя кожа покрылась мурашками, а нервы зажглись чем-то опасно близким к страху.

И возбуждением.

Первый мужчина, тот, что держал меня, склонил моё лицо к себе, его пальцы запутались в моих волосах ровно настолько, чтобы я почувствовала укол боли. Его губы были в сантиметре от моих, а голос – грубым мурлыканьем. – Итак.

Каков твой выбор, принцесса?

Глава 5. Игра началась (18+)

От лица Серафины

Дрожь пробежала по моей спине.

Нас.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое от подтекста.

В тот день подруги рассказывали мне истории, заедая еду на вынос и смеясь смехом, который пытался походить на надежду. Они не знали, что творилось у меня внутри; никто не знал. Они знали лишь карту моего страха и прокладывали по ней дороги... «ты должна», «тебе следует», «это всё изменит».

Они описывали тепло и близость, словно прогноз погоды для места, где я никогда не бывала, как будто я могла купить билет и прибыть туда целой.

Я не была уверена, чего хочу от этой ночи.

Если честно, я хотела почувствовать хоть что-то, кроме медленного, бесстрастного тиканья обратного отсчёта. Я хотела, чтобы голос в моём ухе заставил меня поверить, что я, возможно, захочу остаться.

Я оторвала от него взгляд и метнулась им к двум другим мужчинам, лихорадочно соображая. Сердце колотилось о рёбра.

Выбор.

Слово эхом отдавалось в черепе, насмехаясь надо мной.

Я пришла сюда, чтобы забыть. Чтобы почувствовать. Чтобы выжечь воспоминание о руках Адриана на коже Кары, о сочувствующих глазах доктора, о тяжести моего собственного срока годности, давящего на грудь, словно надгробная плита.

Но это?

Это было нечто совершенно иное. Это была пропасть. Прыжок в неизвестность.

Вызов.

Я облизала губы. Голос дрожал, но взгляд был твёрдым. – Вас всех.

Слова повисли между нами, наэлектризованные.

Усмешка сероглазого мужчины стала шире, его пальцы обводили ободок бокала. – Смело. – Его голос был низким гулом, от которого вибрировал костный мозг. – Но ты уверена?

Третий мужчина... холодный, неприкасаемый, наконец шевельнулся. В его тёмных глазах мелькнуло что-то, отчего по мне прошла новая волна жара. – Это не игра, малая муза. – Его голос был глубоким, грубым, как гравий под каблуками сапог. – Единожды ступив в наш мир, пути назад уже не будет.

Я должна была испугаться.

И мне было страшно.

Но впервые за многие месяцы я также чувствовала себя живой.

Большой палец первого мужчины сильнее вжался в моё запястье, его губы коснулись моих в шёпоте поцелуя, который и не был поцелуем вовсе. – Последний шанс сбежать.

Я не сбежала.

Я не могла.

Потому что впервые с тех пор, как я слышала слова «смертельный», «неоперабельный», «неизлечимый», я захотела чего-то большего, чем забвение.

Я хотела их.

Я хотела того, как они смотрели на меня... словно я была добычей, словно я была вызовом, словно я была чем-то, что стоило разрушить.

Я хотела того, как моё тело отвечало им, предательски и жадно: кожа казалась слишком тесной, дыхание – слишком поверхностным, а бёдра ныли от потребности, которую я никогда раньше не позволяла себе признать.

Я хотела, чтобы меня поглотили.

– Не сбегу, – прошептала я.

Улыбка первого мужчины стала дикой. – Хорошая девочка.

А затем его губы накрыли мои.

Это не было нежно.

Это не было сладко.

Это был огонь.

Его губы врезались в мои – требовательные, собственные, а его язык ворвался в мой рот, словно тот принад-

лежал ему. Я ахнула, пальцами вцепившись в его рубашку, моё тело без разрешения выгнулось ему навстречу. На вкус он был как грех и виски, как тёмные обещания и ещё более тёмные тайны, и я утонула в этом.

Низкий рык зародился в его груди, когда его свободная рука скользнула вниз по моей спине, сжав бедро так сильно, что останется синяк. Я простонала ему в рот, и этот звук поглотил его голод, то, как его зубы прикусили мою нижнюю губу, прежде чем успокоить жжение языком.

О Боже.

Меня ещё никогда так не целовали, словно я была чем-то, что нужно сожрать. Словно я была последней трапезой умирающего от голода человека.

А потом... рука на моём бедре.

Пальцы поползли вверх, вверх, вверх, под подол моей юбки – мозолистые и уверенные.

Я с всхлипом оторвалась от его губ, мои глаза распахнулись и встретились с взглядом сероглазого мужчины. Он с усмешкой наблюдал за мной, его пальцы подбирались всё выше, выше.

– Тише, дорогая, – пробормотал он, его голос был тёмной лаской. – У нас вся ночь впереди.

Третий мужчина, всё ещё сидевший, всё ещё наблюдавший, наклонился вперёд. Его голос был лезвием, завёрнутым в шёлк. – Но сначала...

Его рука метнулась вперёд, схватив меня за подбородок и

заставив посмотреть на него.

А затем его губы накрыли мои.

Если первый был огнём, то этот – льдом.

Его поцелуй был контролируемым, точным, его губы двигались на моих с мастерством, от которого у меня поджимались пальцы на ногах. Его рука скользнула в мои волосы, наклоня голову именно так, как нужно, и углубляя поцелуй, пока у меня не закружилась голова, пока я не забыла собственное имя.

Пальцы первого мужчины сжались на моём бедре, его дыхание опалило шею. – Чёрт, на вкус ты даже лучше, чем на вид.

Пальцы сероглазого мужчины наконец достигли цели, его большой палец скользнул по влажной ткани моих трусиков. Я дёрнулась, издав сдавленный звук, но его губы не покинули моих. Он проглотил его. Завладел им.

– Такая отзывчивая, – пробормотал он мне в губы, его пальцы надавили именно там, ровно настолько, чтобы мои бедра дёрнулись. – Интересно, как громко ты будешь кричать, когда мы наконец тебя разденем.

Из моего горла вырвался стон.

Третий мужчина отстранился, его тёмные глаза горели. – Терпение, Люциан.

Люциан.

Имя подходило сероглазому мужчине... эlegantное, опасное, мифическое.

Первый мужчина, всё ещё прижимавшийся ко мне, с твёрдой эрекцией, упирающейся мне в живот, усмехнулся. – С каких это пор ты веришь в терпение, Дрейвен?

Дрейвен. Холодный, неприкасаемый.

Пальцы Дрейвена сжались в моих волосах. – С тех пор, как она – наша, и мы её ломаем.

У меня перехватило дыхание.

Наша.

Это слово послало по мне новую волну жара, моё тело пульсировало от потребности, которую я не понимала и не хотела понимать.

Пальцы Люциана снова описали круг, на этот раз медленнее, мучительно. – Что думаешь, принцесса? – его голос был тёмным мурлыканьем. – Ты выдержишь нас троих? Или сдашься ещё до того, как мы начнём?

Я должна была смутиться.

Я должна была ужаснуться.

Но то, как они смотрели на меня, словно я была единственной в мире, кто стоил их времени, их голода, придавало мне смелости.

Я встретила взгляд Люциана, мой голос был едва слышным шёпотом. – Попробуйте.

Его усмешка стала злой. – О, мы попробуем.

А затем первый мужчина, который всё ещё не назвал мне своего имени, схватил меня за запястье и потащил к выходу.

– Она что надо, Азриэль.

Азриэль... Я посмотрела на него, блуждая взглядом по его лицу, изучая его тонкие черты. Имя ему подходило.

Ночной воздух ударил по коже, холодный и резкий, но он не смог потушить огонь, горевший внутри меня.

Рука Люциана обвилась вокруг моей талии, его губы коснулись моего уха. – Последний шанс передумать.

Я посмотрела на Дрейвена, его тёмные глаза были непроницаемы.

Затем на первого мужчину, его штормовой синий взгляд горел обещанием.

А потом я улыбнулась.

– Игра началась.

Глава 6. Мужчины, которые берут то, что хотят

От лица Серафины

Когда мы наконец выбрались наружу, ночной воздух ударил по коже, словно пощёчина, холодный и резкий на фоне моей разгорячённой плоти. Я всё ещё была в оцепенении, моё тело гудело от того, что произошло в баре, а ноги подомной дрожали.

– М-мои вещи остались там, – пробормотала я. Голос был смазанным, а разум всё ещё блуждал в тумане удовольствия.

Ухмылка Азриэля была тёмной, его хватка на моей талии усилилась, когда он притянул меня ближе, и его прикосновение послало по телу ещё один разряд жара. – Кто-нибудь их заберёт.

Прежде чем я успела возразить, он усадил меня на заднее сиденье гладкого чёрного автомобиля, не убирая рук с моего тела. Двое других мужчин сели в отдельные машины. Их взгляды прожигали меня насквозь, пока они отъезжали, оставляя нас одних в тускло освещённом салоне.

Азриэль заставил меня сесть на него верхом. Его руки обвили вокруг моих обнажённых бёдер, и их прикосновение послало ещё одну волну жара по моей и без того чувствительной коже. – Двигайся, принцесса, – приказал он грубым

голосом, и его штормовые-голубые глаза горели обещанием.

И, словно на автомате, я подчинилась.

Я качнулась к нему, трёясь о твёрдый бугорок на его брюках. Мои стоны заполнили машину, пока его руки сжимали мои бёдра, поддерживая движения. Его ухмылка была вызывающей, взгляд – тёмным, прикосновение – собственническим, когда он направлял меня, а его голос был низким рычанием у меня над ухом.

– Вот так, – прошептал он, его губы коснулись моей шеи, а зубы оцарапали кожу. – Возьми то, что тебе нужно.

Из моего горла вырвался всхлип, когда я прижалась к нему сильнее. Трение рассыпало искры по моему телу, а дыхание срывалось на рваные вздохи. Его руки скользнули вверх по моей спине, пальцы запутались в волосах, когда он притянул меня ближе, и его губы впились в мои в поцелуе, полном жара и голода.

– Ты принадлежишь нам, принцесса, – прорычал он мне в губы. Его голос был грубым, собственническим, голодным. – Скажи это.

От этого слова по моей спине пробежал озноб, тело напряглось, а удовольствие сжалось ещё туже.

– Ваша, – выдохнула я, мой голос дрожал, а разум утопал в удовольствии, в жаре, в них.

– Ещё раз, – потребовал он, его хватка усилилась, а голос прозвучал как тёмный приказ.

– Ваша, – повторила я. Мой голос был стоном, капитуля-

цией, обещанием, пока я качалась на нём, моё тело дрожало, а удовольствие нарастало, нарастало.

– Хорошая девочка, – прошептал он, его губы коснулись моих. Голос был тёмной лаской, пока его руки сжимали мои бёдра, направляя, поддерживая, владея мной.

Его губы не отрывались от моих, когда его рука скользнула между моих бёдер, и пальцы нащупали мою влажную жаркость сквозь тонкую ткань трусиков. Из моего горла вырвался прерывистый вздох, бёдра непроизвольно дёрнулись навстречу его прикосновению. Он простонал мне в рот – звук был тёмным, собственническим, голодным.

– Блядь, – прорычал он голосом, грубым, как гравий. – Ты вся промокла, принцесса.

Его большой палец надавил, очерчивая мой клитор сквозь ткань, сначала медленно... дразняще, мучительно, а затем усилил давление ровно настолько, чтобы у меня перехватило дыхание. Мои пальцы сжались на его рубашке, ногти впились в ткань, когда моё тело выгнулось навстречу его прикосновению в отчаянной жажде большего.

– Азриэль... – его имя сорвалось с моих губ, как молитва, мольба, капитуляция.

– Тш-ш, – прошептал он, его губы проследовали вниз по моей челюсти, а зубы оцарапали чувствительную кожу шеи. – Просто чувствуй.

Его пальцы зацепились за пояс моих трусиков, медленным, намеренным движением стягивая их вниз по бёдрам.

Прохладный воздух коснулся моей обнажённой кожи, но я слишком утонула в жаре его прикосновений, чтобы обращать на это внимание. Его рука снова скользнула между моих бёдер, и пальцы нащупали меня – обнажённую, ноющую, уже скользкую от желания.

– Боже, ты идеальна, – простонал он. Его большой палец снова закружил по моему клитору, на этот раз кожа к коже. Ощущение было электрическим, посылая искры по всему телу.

– Пожалуйста... – взмолилась я. Мой голос дрожал, тело дрожало, и весь мой мир сузился до той точки, где его пальцы касались меня.

– Терпение, принцесса, – прошептал он, его губы коснулись моего уха, а дыхание обожгло кожу. – Сначала я хочу почувствовать, как ты кончишь мне на пальцы.

Его большой палец надавил сильнее, очерчивая мой клитор в ритме, от которого пальцы на ногах сжались, спина выгнулась, а тело напряглось в предвкушении. Другие его пальцы скользнули ниже, дразня мой вход, проникая внутрь ровно настолько, чтобы заставить меня ахнуть, чтобы заставить молить.

– Азриэль, пожалуйста...

– Вот так? – спросил он. Его голос был тёмным мурлыканьем, когда он наконец ввёл в меня палец, медленно и глубоко, в то время как большой палец всё ещё очерчивал мой клитор с неослабевающей точностью.

– Да... – слово было стоном, криком, капитуляцией, когда его палец согнулся внутри меня, задевая точку, от которой мой взгляд затуманился, тело содрогнулось, а весь мир накренился на своей оси.

– Или вот так? – его голос был грубым, дыхание – горячим у моего уха, когда он добавил второй палец, растягивая, наполняя меня. Его большой палец всё ещё обрабатывал мой клитор в ритме, который заставлял меня задыхаться, хныкать, умолять.

– О Боже... – мой голос сорвался, тело сжалось вокруг его пальцев, бедра качались на его руке, и всё моё существо было сосредоточено на удовольствии, которое сжималось всё туже и туже внутри меня.

– Вот так, – прошептал он, его губы коснулись моих, а голос был тёмной лаской. – Кончи для меня, принцесса. Позволь мне почувствовать, как ты разваливаешься на части.

И я сдалась.

Удовольствие обрушилось на меня, как приливная волна, раскалённое добела и неумолимое, пронзая меня с силой, от которой перехватило дыхание. Моя спина выгнулась, тело задрожало, когда оргазм пронзил меня насквозь. Мои стоны утонули во рту Азриэля, когда он снова поцеловал меня, глубоко и властно, а его пальцы продолжали ласкать меня сквозь каждую содрогающуюся волну удовольствия.

Я рухнула на него, моё тело ослабело, разум был в оцепенении, а кожа стала скользкой от пота. Его пальцы высво-

бодились, и теперь его прикосновение было нежным, почти благоговейным, когда он очерчивал ленивые круги на моей чувствительной коже.

– Хорошая девочка, – прошептал он, его голос был тёмным мурлыканьем, а губы коснулись моего лба. – Это лишь первый из многих.

Машина плавно остановилась, и на мгновение я подумала, что всё ещё блуждаю в тумане удовольствия, потому что ничто другое не могло объяснить зрелище, открывшееся передо мной.

Какого чёрта?

Я ожидала отель. Какой-нибудь гламурный, безличный пентхаус с мерцающими огнями города за панорамными окнами. Место, где я могла бы притвориться, что это просто ещё одна безрассудная ночь, ещё одна история, которую я расскажу себе, когда подкрадётся одиночество.

Но это?

Это был не отель.

Это был рай.

Передо мной раскинулось огромное поместье, залитое серебряным сиянием лунного света. Особняк возвышался... нет, доминировал над пейзажем, весь состоящий из острых углов и элегантных изгибов, словно вырезанный из мрамора и тени. Вокруг него раскинулись ухоженные сады, под звёздами сверкали фонтаны, а в воздухе густо пахло жасмином

и ночными цветами.

Дорога была длинной, извиваясь сквозь ворота, которые словно сошли со страниц сказки, но это? Такое место можно увидеть только во сне или в тех фильмах, где красивые люди совершают красивые, ужасные поступки.

Рука Азриэля всё ещё сжимала мою, его хватка была твёрдой, собственнической. Он не дал мне времени поглазеть. Он потянул меня вперёд, и его штормовые-голубые глаза блестели чем-то тёмным и голодным, пока он наблюдал за моей реакцией.

– Добро пожаловать домой, принцесса, – прошептал он. Его голос был низким мурлыканьем, от которого по моей спине пробежал озноб.

Домой?

В чей дом?

Двое других мужчин уже были там, ожидая наверху парадной лестницы, ведущей ко входу.

Дрейвен... холодный, неприкасаемый, с тёмными глазами, похожими на бездонные ямы. Его аура была настолько ледяной, что по коже забегали мурашки. Он стоял, засунув руки в карманы, и его взгляд был прикован ко мне, словно я была загадкой, которую он уже разгадывал.

Люциан, с его пронзительными серыми глазами и этой преследующей полуулыбкой, прислонился к перилам со стаканом чего-то янтарного в руке. Он лениво покручивал стакан, его взгляд скользил по мне с такой интенсивностью, что

у меня перехватило дыхание.

И рядом со мной был Азриэль, его большой палец медленно очерчивал круги на моём запястье, а прикосновение прожигало кожу.

Кем, чёрт возьми, были эти мужчины?

Парадные двери распахнулись прежде, чем мы успели до них дойти, открывая вестибюль, который мог бы сойти за бальный зал. Хрустальные люстры бросали ломаный свет на мраморные полы, а в воздухе пахло дорогим виски и чем-то более тёмным, чем-то, что было ими.

Вперёд выступила женщина, её тёплая улыбка резко контрастировала с холодной элегантностью дома. Ей было, может быть, лет сорок пять, с добрыми глазами и таким видом, который заставил меня выдохнуть впервые с тех пор, как я вышла из машины.

– Талия, – сказал Дрейвен ровным, властным голосом. – Приведи её в порядок. Затем приведи в нашу комнату.

Взгляд Талии метнулся ко мне, оценивающий, но не недобрый. Она кивнула. «Конечно».

Пальцы Азриэля на секунду сжались на моей руке, прежде чем он отпустил её. Его прикосновение задержалось, как обещание. «Мы будем ждать».

Ухмылка Люциана стала шире. «Не заставляй нас ждать, принцесса».

И вот так просто меня повели прочь, а пульс стучал в горле.

Ванная комната была храмом.

Белый мрамор, золотая фурнитура, ванна, в которой можно было утонуть. Талия двигалась эффективно, открывая краны. Воздух наполнился ароматом лаванды и чего-то цитрусового. Пар окутывал нас, заволакивая меня теплом, ясностью.

Что я собиралась сделать?

Этот вопрос ударил меня, как пощёчина.

Я стояла, уставившись на своё отражение в зеркале... размазанная тушь, распухшие от поцелуев губы, кожа всё ещё горела от прикосновений Азриэля. Женщина, смотревшая на меня в ответ, казалась незнакомкой. С дикими глазами. Безрассудная. Живая.

Талия не задавала вопросов. Она не осуждала. Она просто помогла мне раздеться, её прикосновения были нежными, а голос – мягким. «Они не приводят сюда кого попало, знаете ли».

У меня сжалось горло. «Кто они?»

Она помедлила, затем вздохнула. «Мужчины, которые берут то, что хотят».

В моей груди зародился смешок, резкий и безрадостный. «И чего они хотят от меня?»

Взгляд Талии встретился с моим в зеркале, её лицо было непроницаемым. «Всё».

Вода была тёплой, почти слишком горячей, но я всё равно погрузилась в неё, позволяя ей омыть меня, отрезвить меня.

Что я собиралась сделать?

Я закрыла глаза, и тяжесть всего этого навалилась на меня... предательство Адриана, слова доктора, обратный отсчёт, тикающий в моей груди.

Я выдохнула, долго и медленно. Я всё равно скоро умру. Эта мысль должна была бы напугать меня до смерти.

Вместо этого она меня освободила.

Я открыла глаза, встречая собственный взгляд в зеркале. Лучше взять это, пока я ещё жива. Лучше узнать, каков секс на вкус, прежде чем погаснет свет.

После этого Талия оставила меня одну, выскользнув с тихим: «Не торопитесь».

Но я не хотела времени.

Я хотела их.

Я хотела того, как они смотрели на меня, словно я была чем-то, что стоило разрушить. Словно я была чем-то, что стоило иметь.

Я хотела почувствовать себя живой, прежде чем исчезну.

«Я всё равно скоро умру», – сказала я, мой голос был ровным, а взгляд прикован к зеркалу. – «Лучше взять это, пока я ещё жива».

Глава 7. Никогда не делал этого раньше? (18+)

От лица Серафины

Тяжёлую тишину в ванной нарушали лишь мерное капанье крана и отчаянный стук моего сердца о рёбра. Я осталась в воде, пока из неё не ушло всё тепло, пока кожа не сморщилась, а пар не растворился под мраморными сводами.

Я не просто смывала с себя грязь бара; я смывала Серафину... девушку, которая следовала правилам, девушку, которая боялась конца, девушку, которая жила ради завтра, которое больше не наступит.

Когда наконец стало холодно, моё тело пронзила неистовая дрожь. Не от холода. А от осознания, что тремя этажами выше, а может, просто дальше по коридору, три хищника ждут свою пойманную добычу.

Я вышла из ванны, и пушистое полотенце показалось наждачной бумагой на моей сверхчувствительной коже. Тело всё ещё гудело, словно по костному мозгу от прикосновения Азриэля в машине вибрировал слабый электрический ток. Я поймала своё отражение в зеркале в позолоченной раме. Влажные волосы, глаза казались слишком большими для моего лица, а губы – разбитыми, припухшими и красными. У

меня был затравленный вид. И аппетитный.

Я накинула шёлковый халат, оставленный Талией... вещь настолько мягкую, что она ощущалась как жидкое прикосновение. Он несколько не скрывал очертаний моего тела. Сделав последний, судорожный вздох, отдававший лавандой и страхом, я вышла.

Талия была там, тенью в коридоре. Она не проронила ни слова. Лишь склонила голову – жест, странным образом похожий на безмолвную молитву за приговорённую к смерти, – и пошла вперёд.

Дом был архитектурным кошмаром красоты. Слишком большой, слишком тихий, полный статуй, которые, казалось, следили за каждым моим шагом, и коридоров, уходящих в бесконечность. Каждая дверь, мимо которой мы проходили, ощущалась как тайна, которую мне не дозволено было знать. Мои босые ступни не издавали ни звука на холодном мраморе, отчего я чувствовала себя призраком, блуждающим в свою последнюю ночь.

Наконец мы остановились.

Дверь была массивной, вырезанной из тёмного дерева, которое будто спасли с места кораблекрушения. Талия повернулась ко мне, её лицо в тусклом свете было непроницаемым.

– Мастера там, – прошептала она. И затем, не говоря больше ни слова, растворилась в тенях коридора.

Я осталась одна. Моё сердце не просто билось – оно пы-

талось вырваться из груди.

Бежать?

Мысль мелькнула, слабая и жалкая. Если я сбегу, то куда? Назад в стерильную больничную палату? Назад к жизни, полной «а что, если»?

Я покачала головой, сжав челюсти.

Ты сама это начала, Серафина. Так закончи. Сгори дотла, а не угасай.

Я толкнула дверь.

Комната была пещерой теней. Единственный свет исходил от луны, сочившейся сквозь окна от пола до потолка и бросавшей на пол длинные, костлявые пальцы. Первым меня ударил воздух – он пах дорогим кедром, выдержанным бурбоном и резким, металлическим привкусом чистого, неразбавленного тестостерона.

Сначала я не могла их разглядеть, но я их чувствовала. Это была физическая тяжесть, давление в атмосфере, от которого волосы на руках встали дыбом. Шесть глаз впились в меня, отслеживая движение моего горла, когда я сглотнула.

– Вы слишком тихая для женщины, которая только что потребовала ночь от троих незнакомцев, – донёлся голос из темноты.

Люциан. Он сидел в бархатном кресле, баюкая в руке стакан с янтарной жидкостью. Лунный свет выхватил острую линию его скулы и порочный блеск в серебристых глазах. Он выглядел как падший ангел, уставший от собственного бес-

смертия.

Я прошла вглубь комнаты, шёлковый халат развевался у моих лодыжек. Я не останавливалась, пока не оказалась в центре их святилища. Я посмотрела на него, по-настоящему посмотрела, сквозь сшитый на заказ костюм и хищную грацию.

– Слова для тех, кто думает, что у них есть будущее, которое нужно обсуждать, – ответила я. Мой голос был твёрдым, хотя и звучал так, будто принадлежал кому-то другому. Пустой. Резкий. – Я пришла не разговаривать.

Рука Люциана замерла, когда стакан был на полпути к его губам. Я увидела в нём перемену... как его скука сменилась острым, опасным любопытством. Он поставил стакан на приставной столик; звон хрусталя эхом пронёсся по комнате, подобно удару молота о наковальню. Он медленно поднялся, словно разворачивающаяся змея, его взгляд прошёлся по моим влажным прядям.

Ему понравилось, что я не улыбнулась ему. Ему понравилось, что я не играла в соблазнение.

– Нигилистка, – пророкотал более глубокий голос из дальнего угла.

Из теней у балкона вышел Дрейвен. Если Люциан был клинком, то Дрейвен – горой. Он был огромен, его присутствие настолько удушающе доминировало, что комната, казалось, сжалась, стоило ему двинуться. Он шёл с тяжёлой, размеренной грацией и остановился в нескольких дюймах от

меня. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы просто увидеть его лицо. Его глаза были как две чёрные дыры, всасывающие весь свет и надежду в комнате.

– Обычно, – пробормотал он, и его низкий голос вибрацией отозвался в моих ступнях, – люди дрожат, когда я так на них смотрю.

Воздух между нами был таким густым, что им можно было задохнуться. Я чувствовала жар, исходящий от его груди, и запах холодного зимнего воздуха, впитавшийся в его кожу. Я не вздрогнула. Не отвела взгляд. Вместо этого я слегка выгнула спину, подставляя ему точку пульса на шее... безмолвный вызов.

– Значит, я не «обычно», верно?

Я увидела, как на его челюсти дёрнулся мускул. Он был человеком, который рушил империи, человеком, который командовал легионами. Моё неповиновение было сбоем в его мире, искрой в комнате, полной пороха. Я видела, как тьма в его глазах сменила властность на нечто гораздо более первобытное. Он не просто хотел обладать мной; он хотел увидеть, что таится внутри девушки, которая не боялась умереть.

– Она идеальна, – голос Азриэля, пронизанный тёмной, маниакальной энергией, разрушил напряжение.

Он уже лежал на огромной, задрапированной шёлком кровати, развалившись с небрежным высокомерием короля. Его рубашка была расстёгнута, волосы растрёпаны, а грозо-

вые-синие глаза горели диким, неутомленным жаром. Он выглядел так, будто хотел сожрать мир и поджечь то, что останется.

– У неё тот самый взгляд, Дрейвен, – рассмеялся Азриэль, его смех был грубым и голодным. – Такой, который говорит, что она хочет посмотреть, сколько огня сможет проглотить, прежде чем сгорит.

Одним плавным движением Азриэль протянул руку. Его мозолистые тёплые пальцы сомкнулись на моём запястье. Он потянул несильно, но его намерение было абсолютным. Я не сопротивлялась. Я позволила ему притянуть меня к просторной кровати, мой халат заскользил по шёлковым простыням, когда меня втянуло на их орбиту.

Внезапно мир сузился. Комната исчезла. Остались только они трое – стена из мышц, запаха и смертоносного намерения. Дрейвен возвышался в изножье кровати, как безмолвный бог, Люциан стоял сбоку, его серебристые глаза потемнели от предвкушения, а Азриэль был надо мной.

Он прижал мои запястья над головой, его тело тяжёлым, восхитительным грузом впечатало меня в матрас. Его лицо было в нескольких дюймах от моего, а дыхание пахло мятой и голодом.

– Никаких имён, – прохрипел он, ища в моих глазах искорку сожаления и не находя её. – Никаких обещаний. Только это.

Я посмотрела на него, потом на остальных, ощущая чи-

стую, ошеломляющую силу того, что тебя желают три монстра. Впервые за несколько месяцев тикающие часы в моей голове замолчали.

– Только это, – прошептала я в ответ, и мой голос прозвучал как клятва.

Ухмылка Азриэля была последним, что я увидела, прежде чем его губы впелись в мои, и мир наконец, милосердно, вспыхнул пламенем.

Кровать была морем чёрного шёлка, и я тонула в нём. Азриэль надо мной был лихорадочным сном, состоящим из острых углов и вибрирующей энергии. Он прикасался ко мне не как любовник; он прикасался так, будто купил новую игрушку и намеревался проверить, как сильно она прогнётся, прежде чем сломается.

Его руки, грубые, со шрамами на костяшках, так сильно прижимали мои запястья к изголовью кровати, что я чувствовала, как пульс стучит в моих собственных ладонях.

Он был красив до боли... его лицо состояло из резких черт, а эти грозиво-синие глаза были широко раскрыты, безумны и отслеживали каждый сбой в моём дыхании. Он наклонился, его зубы задели мочку моего уха, и я издала звук, который сама не узнала. Высокий, тонкий скулёж, отразившийся от тёмных стен.

Я была в ужасе. Будем честны. Моё тело было напряжено, твёрдое как доска, каждая мышца намертво зажата, потому что когда тебя окружают трое огромных, опасных мужчин,

это не любовный роман... это засада.

Воздух был слишком густым. Казалось, мои лёгкие набиты ватой.

Затем двинулся Люциан. Я почувствовала, как кровать прогнулась слева от меня. Его пальцы, прохладные и тонкие, провели по линии моей челюсти, поворачивая моё лицо к нему. Он больше не улыбался. Этот вид «сकुчающего ангела» исчез, сменившись сосредоточенным, ужасающим голодом. Он наклонился, и его запах... дорогого табака и холодного дождя... заполнил мою голову, пока я не перестала соображать. Он начал целовать мою шею – медленные, влажные, намеренные укусы, от которых по моей коже одновременно побежали мурашки и проступило покалывание.

Я не знала, куда смотреть. Не знала, на ком сосредоточиться. Азриэль прижимался ко мне бёдрами, его тяжёлое тело давило на меня, в то время как язык Люциана метил мою кожу, словно я была его территорией.

У меня в голове стучало. Звуки, срывавшиеся с моих губ... вздохи, прерывистые стоны, дрожащее дыхание – они ещё не были вызваны удовольствием. Они исходили от чистой, ошеломляющей сенсорной перегрузки.

И был ещё Дрейвен.

Он стоял в изножье кровати, молчаливый как могила. Он не торопился. Мгновение он наблюдал за этим хаосом, прежде чем его большие мозолистые руки скользнули под подол шёлкового халата. Я подскочила, выгнув спину и ото-

рвавшись от матраса, но Азриэль лишь зарычал и снова прижал меня.

Руки Дрейвена были словно лёд и пламя. Он медленно двинулся вверх по моим бёдрам с внутренней стороны, его ладони скользили по коже, пока не достигли самого центра. Я замерла. В смысле, я буквально перестала дышать. Я почувствовала, как его большой палец коснулся влажной ткани моих трусиков, а затем одним резким рывком он сдвинул их в сторону.

Прохладный воздух коснулся меня, и я почувствовала, как волна чистого, неподдельного стыда и жара окатила моё лицо. Я попыталась свести ноги, но колени Дрейвена уже были там, разводя их и делая меня уязвимой.

Он не колебался. Он ввёл два пальца внутрь.

Я вскрикнула. Это не был «сексуальный» звук. Это был резкий, шокированный вздох, когда моё тело столкнулось с чем-то, чего никогда не знало. Я почувствовала, как растягиваюсь, почувствовала внезапное, жгучее давление, и всё моё тело окаменело и напряглось.

Внезапно всё прекратилось.

Пальцы Дрейвена не продвинулись ни на дюйм глубже. Он замер. Я чувствовала исходящее от него напряжение, внезапную, резкую перемену в атмосфере, от которой из комнаты будто выкачали весь кислород. Он склонился надо мной, его массивное тело отбросило тень, поглотившую и Люциана, и Азриэля. Он приблизился так близко, что его нос коснулся

моего, а его тёмные, бездонные глаза впивались в мою душу в поисках лжи.

– Постой, – выдохнул он. Его голос больше не рокотал; это было низкое, опасное рычание, от которого моя кровь превратилась в ледяную кашу. – Ты никогда раньше этого не делала.

Глава 8. Кого ты хочешь почувствовать внутри себя первым? (18+)

От лица Серафины

– Подожди, – выдохнул он. Его голос уже не рокотал; он превратился в низкое, опасное рычание, от которого моя кровь превратилась в ледяную кашу. – Ты никогда этого не делала.

Это был не вопрос. Он знал. То, как я дёрнулась, то, как моё тело сопротивлялось ему... он почувствовал барьер.

Воздух в комнате не просто изменился, он будто свернулся. Фантазия об «эскорте», мысль о том, что я просто девушка, решившая провести отвязную ночь... всё это разлетелось вдребезги. Это были не те парни, которых нанимают. Это были хищники, которые только что осознали, что их добыча нетронута.

Хватка Азриэля на моих запястьях стала стальной, его пальцы впились в мою кожу, словно железные обручи. Он перегнулся через плечо Дрейвена, его лицо оказалось в считанных сантиметрах от моего, и я увидела это в его глазах... смесь полного, ошеломлённого недоверия и тёмного, извращённого ликования, от которого у меня всё внутри перевернулось.

– Девственница? – прошептал Азриэль, и слово это прозвучало одновременно как проклятие и молитва. Он начал смеяться – низкий, рваный смех, от которого по моему позвоночнику пробежал озноб. – Ты вошла в «Чёрную Вуаль» и предложила это нам?

Я попыталась заговорить, но слова застряли у меня в горле, вырвавшись наружу лишь жалким, прерывистым заиканием.

Боже, Серафина. Какая же ты дура.

Я мысленно отругала себя, и стыд горячей колючей волной подступил к коже. О чём я только думала? Прийти сюда, предложить то, что я хранила, как тайное сокровище, трём мужчинам, которые, казалось, ломали вещи просто ради забавы.

Я увидела, как они застыли... замерли намертво, и тишина затянулась так надолго, что мне показалось, будто я и впрямь вышибла из комнаты весь дух.

Может, они этого не хотели. Может, им претила мысль о девушке, которая не понимает, что делает. Я так сильно прикусила губу, что почувствовала вкус меди, а моё сердце билось о рёбра, как пойманная птица.

– Я же сказала, – сумела выговорить я, и мой голос прозвучал в огромной комнате тонко и отчаянно. – Я здесь не для долгой истории. А для... хорошей.

Но никто не шелохнулся. Никто не проронил ни слова. Меня накрыла волна поражения, холодная и горькая.

«Пожалуй, Адриан был прав», – подумала я, чувствуя, как в горле образовался ком. Ни один мужчина не захочет женщину, которая бережёт свою девственность, как какой-то пыльный трофей. Это было бремя. Скука. Я начала отстраняться, руки и ноги стали тяжёлыми и неуклюжими, готовая сползти с этой кровати и спрятаться в ванной, пока они меня не выгонят.

Далеко уйти мне не удалось.

Рука Азриэля метнулась вперёд, его пальцы сомкнулись на моём бедре, словно клеймо, вжимая меня глубже в матрас, пока я снова не взглянула на него снизу вверх. – И куда это ты собралась, принцесса? – прохрипел он. Его голос теперь был другим. Не просто игривым; он был голодным. Изголодавшимся.

Воздух в комнате больше не казался просто тяжёлым; он стал наэлектризованным, как воздух перед ударом молнии. Осознание Дрейвена всё изменило. Неприкрытый, хищный голод всё ещё был здесь, пульсировал в темноте, но теперь к нему примешалась эта ужасающая, абсолютная сосредоточенность.

Я ожидала, что они набросятся. Я ожидала, что они просто... сорвут с меня остатки халата и возьмут то, что я поднесла им на блюдечке с голубой каёмочкой.

Вместо этого Дрейвен... тот, кто выглядел так, будто был высечен из холодного гранита и тени, выпрямил спину. Он отступил всего на пару сантиметров, ровно настолько, чтобы

я смогла сделать судорожный вдох, хотя его взгляд не отрывался от моего. Они были бездонными.

– Мы можем быть кем угодно, принцесса, – пророкотал Дрейвен. Звук был таким глубоким, что я почувствовала его зубами. – Но мы не дикари. Не с чем-то столь драгоценным, как твой первый раз.

Я моргнула, дыхание застряло в груди. – Я... я не думала...

– Ты не думала, что мы дадим тебе выбор? – закончил за меня Люциан. Его серебристые глаза мерцали, в них была странная смесь веселья и чего-то настолько собственнического, что у меня поджались пальцы на ногах. Он откинулся на столбик кровати, скрестив руки и наблюдая за мной, словно я была королевой, которой он ждал, чтобы служить, или жертвой, которой он собирался насладиться. – Эта ночь – твоя. Твоё тело, твоё право.

Рука Дрейвена двинулась, на этот раз не для того, чтобы схватить меня, а чтобы указать на них троих. Это был пугающе официальный жест. – Выбирай, – тихо приказал он. – Кто растопит лёд? Кого ты хочешь почувствовать в себе первой?

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Всё, что я слышала, – это тихий треск камина и неистовый, как у колибри, стук собственной крови в ушах.

Я посмотрела на Дрейвена... мужчину-гору, который обещал медленное, планомерное разрушение.

Я посмотрела на Люциана... который, казалось, будет по-

клоняться каждому дюйму моего тела, пока я не забуду собственное имя и то, что умираю.

Затем я посмотрела на Азриэля.

Он всё ещё нависал надо мной, его глаза были широко раскрыты и дики, грудь вздымалась под полурасстёгнутой рубашкой. Он был похож на человека на краю пропасти, сдерживаемого лишь одной-единственной, истрёпанной нитью – и всё ради меня. В нём была эта неистовая, отчаянная энергия. Она была созвучна буре в моей собственной груди.

Я не хотела медлительности. Я не хотела осторожности. Я не хотела, чтобы со мной обращались, как со стеклянной.

Я хотела сгореть. Я хотела почувствовать всё и сразу, прежде чем свет погаснет навсегда.

Мои пальцы дрожали так сильно, что я едва могла ими пошевелить, но я протянула руку, схватившись за перед рубашки Азриэля, сжимая ткань в кулаке и потянула его к себе. – Его, – прошептала я срывающимся голосом. – Я хочу его.

Азриэль издал звук, бывший наполовину смехом, наполовину рычанием, и эта нить наконец-то лопнула.

– Музыка для моих ушей, – прохрипел он, и его лицо приобрело чисто звериное выражение.

За спиной я услышала, как выдохнул Дрейвен... долгий, низкий звук чистого, сдержанного доминирования. – Тогда он твой, – сказал Дрейвен, его голос был густым и тяжёлым, как мёд. – Но помни, принцесса... мы прямо здесь. Наблю-

даем. Ждём. Ему – начало, но нам – всё остальное.

Люциан устроился в кресле в изножье кровати, его тёмный взгляд не отрывался от того места, где распахнулся мой халат. – Не сдерживайся, Азриэль. Покажи ей, чего она лишилась.

Азриэля не пришлось просить дважды. Он впечатался в меня, его рот нашёл мой с отчаянием, от которого у меня закружилась голова. Это был не поцелуй, а вторжение. Его руки были повсюду... очерчивая изгиб моей талии, линию моих бёдер, с пугающей точностью находя жар между моих ног.

– Ты выбрала меня, – пробормотал он мне в губы, его голос дрожал от редкой, рваной эмоции, которой я не могла дать названия. – Я сделаю так, чтобы ты никогда об этом не пожалела. Никогда.

Я выгнула спину, когда его кожа коснулась моей, и трение послало по моим нервам раскалённые добела искры. Краем глаза я увидела их... Дрейвена и Люциана.

Они не двигались, но они были там, их присутствие было безмолвным, тяжёлым обещанием того, что меня ждёт. Я была центром их вселенной, умирающая звезда, поддерживаемая жаром трёх монстров, которые в данный момент решали, как именно меня уничтожить.

Глава 9. Без осечек (18+)

От лица Серафины

Рука Азриэля скользнула вниз, его ладонь обхватила меня, а большой палец нашёл то самое чувствительное местечко и надавил в ритме, от которого у меня затуманилось зрение. «Смотри на меня, принцесса», – приказал он, и его голос был тёмной лаской. – «Я хочу видеть твои глаза, когда заберу это у тебя».

Я посмотрела. И в буре его взгляда я увидела конец той девушки, которой была раньше.

Его глаза впились в мои с таким взглядом, что я почувствовала себя единственным, что осталось в сгорающем догала мире. Я ощущала Дрейвена и Люциана всего в нескольких дюймах от себя, их тяжёлое, синхронное дыхание было постоянным напоминанием, что я не просто с одним мужчиной... на меня охотились трое.

Азриэль не стал дожидаться ответа. Его рука нырнула под шёлк моего халата, пальцы зацепились за кружево трусиков. Одним быстрым, яростным движением я услышала резкий треск рвущейся ткани. В тихой комнате этот звук был оглушительным. Я ахнула ему в губы, и от шока внезапной наготы у меня всё оборвалось в животе.

Ему было всё равно. Он отбросил рваное кружево в сторону, будто это был мусор, и его рука нашла меня... обна-

жённую, ноющую и промокшую насквозь.

«Вот она», – прорычал он мне в рот.

Его большой палец нашёл мой клитор и щёлкнул по нему... сильно. Резкий электрический разряд пронзил позвоночник, и я издала сдавленный вскрик, потонувший в его поцелуе. Моя голова метнулась назад, на подушки, шея выгнулась, пока его другая рука разрывала халат спереди. Прохладный воздух коснулся моей груди лишь на секунду, прежде чем его рот оставил мой и присосался к соску.

Я закричала, заглушив звук тыльной стороной ладони. Ощущения были ошеломляющими... влажный жар его языка, острое касание зубов и безжалостные щелчки его пальцев между моих ног.

Моя левая рука метнулась вверх, пальцы запутались в густых волосах на его затылке, дёргая и теребя их с отчаянием, о котором я и не подозревала. Я хотела притянуть его ближе; я хотела оттолкнуть его. Я не знала, чего хочу, знала лишь, что мне нужно больше.

Азриэль застонал, прижавшись к моей коже, и этот звук отозвался вибрацией в моей груди. Он внезапно вонзил в меня два пальца, и я почувствовала, как моё тело растягивается, а от незнакомой полноты перехватило дыхание. Он начал пальцевать меня с жестокой, ритмичной точностью, и его большой палец ни на миг не покидал тот чувствительный бутон.

«Посмотри на неё», – донёсся сбоку шёлковый, тёмный

голос Люциана. – «Она распадается на части ради тебя, Аз».

Так и было. Я слабо билась в его руках, мои стоны становились всё выше и отчаяннее по мере нарастания давления. Зрение затуманилось, потолок поплыл.

«Я буду нежен», – прошептал он, хотя мышцы, вздувшиеся жгутами на его руках, говорили о борьбе за самообладание. – «Лишь на секунду. Пока ты не привыкнешь ко мне».

«Не надо», – выдохнула я, впиваясь пальцами в его плечи. – «Я не хочу нежности, Азриэль. Я хочу почувствовать, что жива».

Тёмная, рваная улыбка прорезала его лицо. «Бойся своих желаний, принцесса».

За его спиной я услышала щелчок зажигалки. Я взглянула через плечо Азриэля и увидела, как Люциан прикуривает сигарету; дым вился вокруг его красивого лица, пока он наблюдал за нами с холодным напряжением. Дрейвен стоял в изголовье кровати, его большая рука опустилась на подушку рядом с моей головой – не касаясь меня, но помечая пространство.

«Смотри на меня», – приказал Дрейвен, и его низкий голос отозвался вибрацией в моём позвоночнике.

Я посмотрела.

«Это единственный раз, когда ты будешь принадлежать лишь одному мужчине», – сказал Дрейвен, его глаза были тёмными и тяжёлыми от обещаний. – «Сделай так, чтобы это того стоило».

Затем, внезапно, он вытащил пальцы. Я издала жалобный стон протеста, мои бёдра приподнялись с кровати, чтобы последовать за ним, но тут он расположился между моих ног.

Я моргнула, пытаясь прояснить мысли. Когда он вообще успел раздеться? Я даже не заметила ни шороха джинсовой ткани, ни щелчка ремня. Всё, что я видела, – это гладь его татуированной груди, а затем, нависающий между моих бёдер, его член. Он был массивным, толстым, с тёмной, тяжёлой веной под крайней плотью, что пульсировала в такт его сердцу. Он выглядел смертоносным. Он выглядел так, будто ломает меня.

У меня перехватило дыхание, когда он ткнулся головкой своего члена в мой вход. Жар от него был ошеломляющим. Я почувствовала, как мои мышцы инстинктивно сжались, и меня накрыла волна чистой, девственной паники.

«Азриэль», – выдохнула я, мои дрожащие руки вцепились в его плечи.

«Тш-ш», – прошептал он, его взгляд внезапно смягчился на долю секунды, хотя голод в нём никуда не делся. Он наклонился, прижавшись лбом к моему. – «Будет немного больно, принцесса. Лишь секунду».

Я кивнула, мои глаза были широко раскрыты в ожидании удара. Я напряглась, сжав ноги, ожидая, что он просто ворвётся в меня. Но он этого не сделал. Вместо этого его рука взлетела вверх, и он ущипнул мой сосок – сильно.

От резкой, внезапной боли я вскрикнула, и на долю секун-

ды моё внимание сместилось с нижней части тела. И в этот миг отвлечения он ринулся вперёд.

Он вошёл одним глубоким, неумолимым движением, вся его длина погрузилась в меня, пока он не достиг основания.

Воздух покинул мои лёгкие в безмолвном, рваном вздохе. Это было давление, которого я никогда не могла себе представить, растяжение, которое, казалось, доходило до самых рёбер. Я почувствовала разрыв, острое жжение прорванной преграды, и мои ноги инстинктивно взлетели вверх, обвиваясь вокруг его талии, чтобы притянуть его ближе, чтобы стабилизировать мир.

«Боже», – выдавил он, его лицо исказилось, пока он на мгновение замер, давая моему телу привыкнуть к его огромному размеру. – «Ты такая узкая. Ты, блять, сжимаешь меня до смерти».

Я не могла говорить. Я просто держалась за него, моё сердце колотилось о его грудь. Я чувствовала, как влага моей крови смешивается с моим возбуждением – жертва, на которую я была более чем готова пойти. Я посмотрела на него, мои глаза слезились, но взгляд был твёрд.

«Готова?» – спросил он, его голос был грубым, как гравий.

Я кивнула – короткое, дрожащее движение.

Он не стал ждать. Он начал двигаться. Не медленно, но и не слишком быстро. Это был ровный, тяжёлый ритм, от которого стонал каркас кровати. Каждый толчок, казалось, переставлял мои внутренности, и глубокая, пульсирующая

боль быстро превращалась во что-то иное. Во что-то более дикое.

«Тише», – пробормотал Азриэль, его голос понизился до грубого мурлыканья. Он наклонился, ловя мои губы в глубоком, обжигающем душу поцелуе.

Боль всё ещё была, но её заглушало трение, то, как его кожа скользила по моей, и то, как его член заполнял каждую мою складочку. Я начала двигаться вместе с ним, мои бёдра встречали его толчки, а стоны превратились в низкое, горланное повторение его имени.

Слёзы навернулись на глаза... не от боли, а от всепоглощающего чувства «наконец-то». Наконец-то я делала что-то для себя. Наконец-то я брала своё.

«Блять», – простонал он срывающимся голосом. – «Ты такая узкая... такая идеальная».

«Про... продолжай», – сумела я выдавить, приподнимая бёдра ему навстречу.

Краем глаза я увидела, как Дрейвен подошёл ближе к краю кровати, его тёмные глаза были прикованы к точке нашего соединения. Люциан тоже был рядом, его рука лежала на моей лодыжке, большой палец поглаживал кожу, пока он смотрел, как Азриэль завладевает мной. Напряжение в комнате было живым существом, хищной энергией, что питалась моей покорностью.

С каждым толчком жжение утихало, сменяясь глубокой, тяжёлой болью, которая быстро перерастала во что-то элек-

трическое.

Голос Люциана донёлся от изножья кровати, шёлковый и тёмный. «Посмотри, как она принимает его, Дрейвен. Она была создана для этого».

Пальцы Дрейвена наконец шевельнулись, убирая влажную прядь волос с моего лба. Его прикосновение было на удивление мягким для такого жестокого человека. «Она была создана для нас», – поправил он.

«Вот так, принцесса», – прорычал Азриэль, ускоряя темп, его толчки становились всё сильнее, всё глубже. – «Принимай. Принимай всё без остатка».

Я сходила с ума. Тикающие часы в моей голове исчезли. Было только это... жар, пот, растяжение и ужасающее, прекрасное чувство того, что я полностью, окончательно испорчена.

Темп Азриэля ускорился. Он перестал быть осторожным. Его движения стали первобытными, его пот капал на мою кожу, пока он вбивался в меня. Трение было откровением. Я обнаружила, что кричу, мой голос был хриплым и незнакомым для моих собственных ушей. Я обвила ногами его талию, притягивая его глубже, желая раствориться в этом ощущении.

Мир сузился до точки, где мы с Азриэлем соединились. Я забыла о докторе. Я забыла об Адриане. Я забыла о тени смерти. Был только звук нашего дыхания, запах кожи и секса и тяжёлое, выжидающее присутствие двух мужчин, чья оче-

редь была следующей.

«Я держу тебя», – прохрипел Азриэль, его глаза впились в мои, когда он набрал ритм, который подтолкнул меня к краю. – «Я держу тебя, принцесса».

Глава 10. Она более чем готова (18+)

От лица Серафины

Воздух в комнате не просто казался тяжёлым, он был густым, с привкусом соли, дорогого виски и сырым металлическим запахом моей собственной крови. Азриэль надомной был настоящей стихией, его тело – картой из узловатых мышц и пота, что сверкала в лунном свете.

Я вибрировала... не только от шока его вторжения, но и от того, как моё тело отчаянно пыталось обхватить его огромный, горячий член.

Каждый раз, когда он выходил и снова врвался внутрь, звук... этот влажный, тяжёлый шлепок его бёдер о мои отдавался в тишине барабанным боем. У меня кружилась голова, лёгкие горели, пока я судорожно хватала ртом воздух, а мои стоны переходили в прерывистые, высокие вскрики. Я почувствовала, как жгучая боль от первого разрыва начала притупляться, растворяясь в тяжёлом, пульсирующем давлении, которое, казалось, добиралось до самого моего сердца.

– Вот так, принцесса, – прорычал Азриэль, его голос был грубым, хриплым от голода. Он и не думал заканчивать. Он подsunул руки мне под поясницу, приподнимая бёдра, чтобы изменить угол, и тогда он попал в неё... в точку глубоко

внутри, от которой мир перед глазами побелел.

– О боже... Азриэль! – закричала я, мои пальцы так глубоко впились в его плечи, что я почувствовала, как кожа под ногтями лопнула.

Я падала. Первый оргазм обрушился на меня, как сокрушительный удар, волна жара, что зародилась в самом моём центре и разошлась наружу, пока пальцы на ногах не скрючились, а спина не выгнулась так высоко, что я едва касалась кровати. Мои внутренние мышцы судорожно сжались на нём, выжимая его, отчаянно моля об облегчении. Я ожидала, что он остановится, издаст этот гортанный рык и рухнет на меня, но он этого не сделал.

Он даже не замедлился.

Глаза Азриэля потемнели, его зрачки поглотили голубизну, когда он почувствовал, как я пульсирую вокруг его члена. Он издал прерывистый, дикий смешок. – Ещё нет, – прохрипел он, его зубы скользнули по линии моей челюсти. – Мы только начинаем.

Он продолжал, его толчки становились всё более жестокими, всё более неистовыми. Он трахал меня сквозь дрожь моего собственного оргазма, его член скользил в моей влажной, горячей плоти в безжалостном ритме. Как только я подумала, что снова могу дышать, как только волны начали утихать, он сместил вес.

Сбоку я ощутила новое прикосновение. Большая холодная рука Дрейвена скользнула по моему животу, его боль-

шой палец крепко упёрся в мою тазовую кость, пригвождая меня к матрасу, в то время как Люциан наклонился, его серебряные глаза следили за тем, как моя грудь подпрыгивает от каждого выпада Азриэля. Жар, исходивший от них троих, был удушающим – клетка мужественности, которую я никогда не хотела покидать.

– Посмотри на её глаза, Аз, – прошептал Люциан, его голос – шёлковая нить тёмного восторга. – Она снова погружается.

Он был прав. Удовольствие не прекращалось, оно нарастало снова, наслаиваясь на первую волну, пока я не зарыдала в подушки. Темп Азриэля превратился в размытое пятно. Он был машиной, его дыхание срывалось на короткие, резкие, рваные вдохи, похожие на звуки боя. Я почувствовала, как его член пульсирует во мне, твёрже, чем прежде, его головка ударяется о мою шейку матки с тупой, приносящей удовольствие болью, которая вызвала второй, ещё более яростный оргазм, разрывающий меня на части.

Я забилась под ним, мотая головой из стороны в сторону, мой голос пропал, и я лишь издала беззвучный, сдавленный вопль чистого экстаза. Мои ноги крепче обвилились вокруг его талии, пятки впились в его спину, втягивая его глубже, всё глубже, пока между нами не осталось ни миллиметра пространства.

Дыхание Азриэля изменилось. Рычание сменилось неистовым, влажным хрипом. Его движения больше не были

размеренными, они стали отчаянными, его бёдра врезались в мои с такой силой, что изголовье кровати с треском ударилось о стену. Он потянулся вверх, его руки схватили моё лицо, пальцы сдавили щёки, когда он втянул меня в сокрушительный, отчаянный поцелуй.

Он не был нежным. В нём чувствовался вкус соли и собственности. Он застонал мне в рот – звук чистой, мучительной разрядки, и я почувствовала, как он наконец сдался. Он затопил меня, его горячее, густое семя наполнило меня, став клеймом, которое пометило меня как их собственность.

Он отпустил мои губы с долгим, судорожным стоном, его лоб упал на моё плечо, а сердце колотилось о моё, как пойманная птица. Мы оба были скользкими от пота, а комната всё ещё вибрировала энергией того, что он только что взял.

– Хорошая девочка, – прошептал он почти беззвучно.

Но затем я это почувствовала. Рука Дрейвена не сдвинулась с моего бедра. Наоборот, его пальцы скользнули ниже, прочерчивая линию там, где Азриэль всё ещё был во мне.

– Твоя очередь окончена, Азриэль, – пророкотал Дрейвен, его голос, тёмный и тяжёлый, нёс в себе обещание, от которого у меня замерло сердце. – Полагаю, принцессе предстоит ответить ещё двум королям.

Я лежала, дрожа, мой взгляд был затуманен. На мгновение воцарился покой.

Но затем кровать прогнулась.

Люциан встал, отбросив сигарету, его серые глаза горели

голодом, который говорил мне, что ночь ещё далека от завершения. А Дрейвен... Дрейвен навис над нами, его рука опустилась, чтобы схватить меня за подбородок и заставить посмотреть на него.

– Азриэль получил своё, – прошептал Дрейвен, его большой палец провёл по моей распухшей нижней губе. – Теперь наша очередь посмотреть, так ли ты храбра, как тебе кажется.

Азриэль всё ещё лежал на мне, тяжело и прерывисто дыша, но атмосфера в комнате уже изменилась. «Дикость» достигла пика и прошла, сменившись чем-то более холодным, острым и куда более расчётливым.

Люциан подошёл ближе, и свет от камина выхватил серебро в его глазах. Он больше не походил на очаровательного дьявола; он выглядел как мастер, которому предстоит работа с очень нежным и редким куском глины.

– Выходи, Азриэль, – приказал Дрейвен от изголовья кровати.

Азриэль простонал, в последний раз собственнически поцеловав меня в висок, прежде чем выскользнуть. Потеря его тепла была шоком, внезапный холод заставил меня вздрогнуть. Но у меня не было времени скучать по нему.

Люциан занял его место. Он не стал садиться на меня верхом. Вместо этого он опустился на колени в изножье кровати и, схватив меня за лодыжки, потянул к краю, пока мои бёдра не оказались вровень с его грудью.

– Дрейвен прав, – пробормотал Люциан, его голос был низким, вибрирующим гулом, который, казалось, оседал в самом центре моего жара. – Ты пережила бурю. Теперь посмотрим, как ты справишься с огнём.

Он не потянулся к ремню. Вместо этого его руки – длинные, изящные и пугающе твёрдые – начали изучать моё тело. Он касался меня, словно запоминая карту, его пальцы находили каждый чувствительный нерв, только что пробуждённый Азриэлем. Он дразнил меня, растягивая предвкушение, пока я не начала скулить, сжимая пальцами шёлковые простыни.

– Посмотри на неё, Дрейвен, – прошептал Люциан, не сводя с меня глаз, пока его большой палец с такой точностью провёл по моему клитору, что спина выгнулась дугой. – Она дрожит. Не от страха, а от того, что нас в ней нет.

Дрейвен не ответил словами. Он склонился надо мной, его массивное тело создало полог тени. Он не коснулся нижней части моего тела; он взял мои руки и одной своей прижал их у меня над головой, а другой схватил за челюсть.

– Сейчас тебя возьмёт Люциан, – прохрипел Дрейвен, его глаза впились в мои, требуя, чтобы я оставалась здесь, не отключалась. – И пока он будет это делать, я буду смотреть, как ты ломаешься. Если сможешь не отводить от меня глаз, если сможешь принять его, не развалившись на части... тогда, и только тогда, я дам тебе то, за чем ты на самом деле пришла.

Моё сердце не просто билось, оно колотилось о рёбра. –

И что... что это? – выдохнула я.

– Меня, – прошептал Дрейвен.

Люциан не дал мне времени это осознать. Он двинулся вперёд, его вхождение в меня было медленным, обдуманном и совершенно ошеломляющим. Если Азриэль был неистовым, хаотичным жаром, то Люциан – сосредоточенным, безжалостным давлением. Он был шире, глубже, и он точно знал, как двигаться, чтобы у меня всё поплыло перед глазами.

– Оставайся со мной, принцесса, – приказал Дрейвен, его хватка на моей челюсти усилилась ровно настолько, чтобы удержать мою голову на месте. – Не закрывай глаза. Смотри на меня, пока он тебя разрушает.

Это была сенсорная перегрузка. Люциан был ритмичной, движущей силой между моих ног, его пальцы находили мою грудь, его рот время от времени наклонялся, чтобы попробовать на вкус мою кожу. А надо мной Дрейвен был горой холодного, тёмного намерения, его взгляд – физической тяжестью, от которой я не могла уклониться.

Я была поймана между ними... между огнём и льдом.

Каждый раз, когда Люциан попадал в ту самую точку, каждый раз, когда его большой палец надавливал на меня в идеальной синхронизации с его толчками, я пыталась отвести взгляд, раствориться в удовольствии. Но рука Дрейвена сдвигалась, и его голос низко рычал мне в ухо: «Смотри на меня».

Меня испытывали. Меня закаляли.

Удовольствие нарастало до чего-то невыносимого, до крещендо, которое, казалось, вот-вот раздробит мне кости. Моё дыхание превратилось в прерывистые, рваные рыдания. Моё тело было скользким от пота, сплетено с их телами, месиво из шёлка и греха.

– Она близка, – выдохнул Люциан, его самообладание наконец-то начало давать трещину, темп ускорился, а серебряные глаза потемнели до цвета свинца. – Она так близка, Дрейвен.

– Позволь ей, – приказал Дрейвен, его голос стал густым от голода, который он больше не мог скрывать.

Когда мир взорвался тысячей осколков белого света, когда Люциан застонал и глубоко погрузился в меня, я не отвернулась. Я смотрела прямо в тёмные, смертоносные глаза Дрейвена. Я выдержала удар оргазма Люциана и своего собственного и не сломалась.

Я тяжело дышала, моя грудь вздымалась, а тело вибрировало на частоте, на которой, как я думала, человек не может выжить.

Люциан медленно вышел, его лицо покраснелось, он смотрел на меня с новообретённым, опасным уважением. Он наклонился и поцеловал внутреннюю сторону моего бедра, его дыхание было горячим. – Она прошла, Дрейвен. Она более чем готова.

Дрейвен отпустил мои руки. Он отпустил мою челюсть.

Он встал и начал расстёгивать рубашку, не сводя с меня глаз. Наступившая тишина была самым громким звуком в комнате.

– Азриэль подарил тебе первое, – сказал Дрейвен, его голос был обещанием полного уничтожения. – Люциан подарил тебе удовольствие. А я подарю тебе истину.

Он расстегнул и снял рубашку, небрежно отбросив её в другой конец комнаты и обнажив грубую, могущественную сущность мужчины, который правил этой ночью.

– И истина в том, – прошептал он, нависая надо мной, – что после этой ночи ни одного другого мужчины, кроме нас, тебе никогда не будет достаточно.

Глава 11. Я...

принадлежу себе (18+)

От лица Серафины

Атмосфера в комнате была удушающей, она давила с такой физической силой, что каждый вдох ощущался так, будто я вдыхаю помехи.

Азриэль выдохся и теперь наблюдал из тени подушек, его грудь всё ещё тяжело вздымалась. Люциан был молчаливым, среброглазым свидетелем рядом со мной, его пальцы лениво и собственнически чертили линии на моей лодыжке.

А Дрейвен? Дрейвен был той силой притяжения, что удерживала комнату.

Дрейвен не просто занимал пространство, он властвовал над ним. Стоя там и раздеваясь с медленной, мучительной расчётливостью, он походил не столько на человека, сколько на хищника, готовящегося убить. Его грудь – рельеф из твёрдых мышц и старых шрамов, ловивших преломлённый свет люстры, а его глаза... они были бездонны.

Он не торопился. Он двигался с пугающим терпением человека, который знал, что уже победил. Он встал у края кровати, и его тень накрыла меня, словно саван. Он потянулся к первой пуговице рубашки, его немигающий взгляд приковывал меня к месту лучше любых цепей.

Одна за другой пуговицы поддавались. Он небрежно швырнул рубашку в темноту, полностью обнажив грудь, которая выглядела так, будто её выковали в горне... широкую, покрытую шрамами и пульсирующую дикой, смертоносной силой.

Воздух в комнате уже не просто казался плотным, он ощущался сжатым, словно в океанских глубинах, куда не проникает свет. «Двое других играли с тобой, – прохрипел он, и звук отозвался вибрацией в глубине моих лёгких. – Они дали тебе то, что ты хотела. А я дам тебе то, в чём ты нуждаешься».

Я смотрела на него снизу вверх, моё тело всё ещё гудело, всё ещё влажное и чувствительное от огня Азриэля. В голове царил хаос – мешанина из удовольствия и холодной, жестокой реальности тикающих в моей груди часов. «И что... что же это?»

«Покорность, – прошептал он, наклоняясь, пока его тень не поглотила меня целиком. – Полная. Абсолютная. Я хочу, чтобы ты забыла о жизни, что была до этой комнаты. Я хочу, чтобы ты забыла, что существует завтра».

Из меня вырвался сломленный, рваный всхлип. «Завтра не будет, Дрейвен».

На долю секунды в его тёмном взгляде что-то мелькнуло... вспышка чистого, человеческого любопытства, но она исчезла так же быстро, как и появилась, уступив место той пугающей, железной решимости. «Тогда оставайся в насто-

ящем», – приказал он. Он подошёл ближе, от него исходил жар, как от печи. «Азриэль был первым. Люциан подарил тебе наслаждение. А я дам тебе истину. И истина в том, что после этой ночи ни один другой мужчина никогда не сможет удовлетворить тебя, кроме нас».

Моё сердце заколотилось. Мне хотелось смеяться, кричать, сказать ему, что у меня не осталось времени на «вечность», но я потеряла голос. Я опустила глаза, и мой взгляд упал на пояс его тёмных брюк.

Моё сердце колотилось о рёбра в бешеном ритме, вторя дрожи моих рук. Я протянула руку, и мои пальцы неуклюже нащупали пуговицу на его тёмных брюках. Когда я потянула молнию вниз, её металлические зубцы прозвучали в тихой комнате, как выстрел. Когда его член упал мне в руки, я и вправду ахнула.

Он был пугающим... тяжёлый, тёмный и толстый, как предплечье, с пульсирующей веной, которая ощущалась на моей ладони как второе сердце.

Как? – подумала я.

Как такое вообще возможно? Неужели он и правда поместится?

Словно прочитав панику в моих глазах, Дрейвен опустил руку. «Поместится, принцесса», – пробормотал он, грубо вцепляясь пальцами в мои влажные волосы и заставляя поднять голову. «А теперь соси».

Я не колебалась и не спорила. Я не могла. Возможно, де-

ло было в адреналине, а может, в воспоминаниях о том, как Адриан требовал этого, заставляя меня выучить каждый изгиб и чувствительную точку, пока я не научилась делать это во сне. Но это был не Адриан. Это был король.

Я приняла его в себя, мои губы растянулись до предела, когда я повела ртом по его члену, твёрдому, как железо, и гладкому, как бархат. Я прошлась языком, обводя им широкую, сочащуюся головку, пытаюсь достаточно смочить его слюной, чтобы он легче вошёл.

Я услышала, как Дрейвен резко, с шипением выдохнул, его пальцы впились мне в кожу головы, пока я ублажала его, оттягивая мою голову назад, чтобы он мог посмотреть на меня сверху вниз, на то, как моя слюна покрывает всю его длину. Я заглотила так глубоко, как только могла, моё горло сжалось, а руки обхватили его тяжёлую плоть у основания.

Я не останавливалась. Я ублажала его с отчаянной, неистовой потребностью удовлетворить, мои руки опустились, чтобы обхватить его, а рот двигался в ритме, который заставил его низко зарычать.

«Хватит», – прорычал он, и слово прозвучало, как зазубренное лезвие.

Я отстранилась с влажным, хлюпающим звуком, мой рот покалывало, губы распухли. Не успела я и моргнуть, как снова раздался его голос. «Повернись и схватись за изголовье».

Я торопливо развернулась, мои колени скользили по шёлковым простыням, и вцепилась в тёмное дерево так, что

костяшки пальцев побелели. Я почувствовала, как кровать простонала под его весом, когда он оказался позади меня. Затем, без единого слова предупреждения, он ринулся вперёд.

Он вошёл в меня одним сокрушительным, неостановимым толчком.

Беззвучный крик вырвался из моего горла. Мне казалось, меня разрывают на части, его огромная толщина растягивала меня далеко за пределы того, что, как мне казалось, я могла выдержать. Моя спина яростно выгнулась, упираясь в его грудь, позвоночник встретился с твёрдой стеной его торса. Он вошёл до самого основания, так глубоко, что я почувствовала удар в самом своём нутре.

Он был настолько больше, что заполнил каждую пустоту внутри меня, и мне казалось, что меня разрывает надвое.

«Бог...» – прохрипела я, и перед глазами всё поплыло.

Руки Дрейвена не оставались без дела. Одна рука обви-лась вокруг моей талии, удерживая меня, а другая скользнула к моему горлу, и его большой палец лёг прямо на мой пульс. Он не сжимал, но сама тяжесть его руки была постоянным, весомым напоминанием о том, кто здесь главный. Его голова опустилась мне на плечо, а рот присосался к чувствительной коже на шее. Он не целовал меня, а покусывал, его зубы царапали и тянули плоть, пока я не заскулила от острой боли.

Затем он начал двигаться.

Это была жестокая, ритмичная долбёжка. Каждый толчок бросал меня вперёд, мои руки добела сжимали дерево, когда он с силой ударялся о заднюю стенку моей матки, отчего весь мир перед глазами белел. Он был неумолим – лавина трения и силы, не оставлявшая мне ни единого шанса вздохнуть.

«Смотри на меня», – приказал он, его голос был низкой вибрацией у моего уха. Он потянул меня за волосы, заставляя встретиться с его тёмным, горящим взглядом в зеркале напротив. «Я хочу видеть тот момент, когда ты осознаешь, что принадлежишь мне».

Наслаждение было сродни физическому нападению, его волны захлёстывали меня, но та искра неповиновения – единственное, что у меня осталось, – вспыхнула. Я не была его. Я не была их. Я не была ничьей.

Я не была призом. Я не была трофеем. Я была умирающей девушкой, у которой осталось несколько часов свободы.

«Я... не...» – выдохнула я, мои бёдра инстинктивно подались ему навстречу, хотя я и боролась с его притязаниями. «Я принадлежу... никому!»

Ответ последовал незамедлительно и был карающим. Хватка Дрейвена на моей шее на долю секунды усилилась, и он сделал такой глубокий и резкий толчок, что я едва не слетела с кровати. Я удержалась лишь потому, что его рука, словно железный обруч, обвивала мою талию.

«Так...» – удалось мне выдавить из себя, мой голос был севшим и срывающимся. «Ты... ты заявляешь права... на

каждую леди, которую встречаешь... всего на одну ночь?»

Дрейвен издал тихий, мрачный смешок, больше похожий на рычание. Он не останавливался, его темп лишь ускорился, пока кровать не начала ритмично скрипеть, ударяясь о стену. Он наклонился, вонзая зубы в изгиб моего плеча, и снова вошёл в меня.

«Я не встречаю „леди“, подобных тебе, принцесса, – прорычал он, его голос был густым от первобытного, собственного голода. – И я не заявляю права. Я беру то, что и так моё. Ты можешь бороться с этим сколько угодно. Можешь кричать до небес, что никому не принадлежишь. Но твоё тело? Твоё тело знает правду. Оно создано для этого. Оно создано для нас».

Теперь он превратился в размытое пятно движения, его пот капал мне на спину, его член наполнял меня так полно, что казалось, будто он пытается добраться до моей души. Я сходила с ума, трение и давление нарастали, приближаясь к пику, похожему на самую смерть. Мне хотелось остаться в этом моменте навсегда, где боль и удовольствие были единственным, что имело значение.

Я хотела возразить, сказать ему, что он неправ, но тут он задел ту самую точку... ту, что размягчил Азриэль, ту, что дразнил Люциан, и я почувствовала, как моя решимость дрогнула... совсем немного.

«Скажи это, – потребовал он, его дыхание сбилось, когда он приблизился к концу. – Скажи, что ты наша».

Я тонула, моё тело содрогалось, когда оргазм начал разрывать меня на части, раскалённый добела и неумолимый. Моя решимость рассыпалась вдребезги, но я стиснула зубы, мои ногти царапали изголовье. «Я... я принадлежу... себе!»

Дрейвен издал гортанный рёв... звук чистого, уязвлённого доминирования, в последний раз погружаясь в меня до предела. Он затопил меня, его горячее, густое семя пометило меня, даже когда я отказалась произнести слова, которые он хотел услышать. Он рухнул мне на спину, его сердце колотилось, как боевой барабан, его зубы всё ещё покусывали мою кожу, словно он мог вгрызть своё имя в самые мои кости.

На долгое мгновение единственным звуком было наше прерывистое, отчаянное дыхание.

Затем с края кровати донёсся голос Люциана, спокойный и пугающе-насмешливый. «Она боец, Дрейвен. Я же говорил, что она так просто не сломается».

Я почувствовала, как вес Дрейвена сместился, когда он медленно вышел из меня, его глаза всё ещё были прикованы к моим в зеркале, тёмные, обещающие, что ночь ещё далеко не окончена.

Глава 12. Я больше не девственница

От лица Серафины

Я застонала.

Не тихий стон. А уродливый, протяжный, что буквально продрался из моего горла, прежде чем я успела его остановить.

Каждая клеточка моего тела кричала.

Это была не просто ломота... это была та глубокая, до самых костей, боль, от которой казалось, будто меня сбил грузовик, затем переехал, а потом ещё и протащил для верности. Бёдра пульсировали. Таз горел огнём. Поясницу будто сломали, а потом криво сшили.

«Какого хрена...» – хрипло прошептала я.

Я не открывала глаза, потому что это казалось непосильным трудом, словно, сделай я это, и реальность ударит по мне сильнее, чем то, что уже разрушило моё тело.

Голова раскалывалась. Не тупая боль... острая, неумолимая, будто что-то сверлило мой череп изнутри.

Воспоминания порхали на краю сознания, недостижимые. Тени. Жар. Голоса.

Мужчины.

Я втянула воздух и зашипела, когда грудь сдавило.

Медленно, осторожно, я заставила себя открыть глаза.

Первое, что я увидела, – потолок.

Белый. Гладкий. Слишком чистый.

Я моргнула раз. Другой.

Это был не мой потолок.

Моё сердце пропустило яростный удар, когда паника поползла вверх по позвоночнику. Я повернула голову и тут же пожалела об этом. Боль взорвалась за глазами, заставив меня снова застонать.

«Так... ладно...» – пробормотала я, с трудом сглотнув. – «Где я, чёрт возьми?»

Комната была огромной. Отделка из тёмного дерева. Тяжёлые шторы, раздвинутые наполовину, впускали мягкую полоску утреннего света. Всё выглядело дорогим. Пугающим. Словно мне здесь не место.

Затем я это почувствовала.

Воздух на моей коже.

На голой коже.

У меня перехватило дыхание.

Медленно... слишком медленно я посмотрела вниз.

Я была нагой.

Полностью.

Мои руки инстинктивно взлетели вверх, прикрывая грудь, словно это могло хоть как-то всё исправить, словно можно было спасти остатки стыдливости после всего, что, чёрт возьми, произошло.

«О Боже мой...» – выдохнула я.

Простыни, шёлковые, атласные или из чего-то столь же греховного, спутались вокруг моих ног, прилипая к коже, будто знали тайны, которых не знала я.

А потом... движение.

Я замерла.

Три силуэта. Я резко повернула голову. Они были там. Все трое. Сидели. Стояли. Наблюдали.

Моё сердце заколотилось так сильно, что я подумала, оно вот-вот вырвется из груди.

«Что...» – мой голос сорвался. – «Что вы здесь делаете?!»

Люциан развалился в кресле у окна, положив лодыжку на колено и сцепив пальцы под подбородком. Спокойный. Доводяще до бешенства спокойный. Его бледные глаза с откровенным интересом скользнули по мне, он даже не пытался этого скрыть.

Дрейвен был ближе. Слишком близко. Он стоял в изножье кровати, скрестив руки на груди, его лицо было тёмным, непроницаемым, словно гроза, ожидающая разрешения разразиться.

Азриэль прислонился к стене, усмешка уже тронула его губы, взгляд был острым и всезнающим, будто он ждал именно этого момента.

Я отползла назад, прижимая простыни к груди. «Не смотрите на меня!»

Азриэль тихо усмехнулся. «Слишком поздно для этого,

милая».

Внутри всё оборвалось.

Пульс ревел в ушах.

«Что произошло?» – потребовала я, мой голос дрожал, несмотря на попытку звучать твёрдо. – «Почему я здесь?»

Люциан склонил голову набок, изучая меня, как занятную головоломку. «Ты не помнишь?»

Я открыла рот.

Но не смогла произнести ни звука.

А потом меня накрыло.

Не всё сразу. Не чётко. Воспоминания обрушились на меня жестокими, ошеломляющими обрывками. Больничная палата. Стерильный запах. Голос доктора, слишком мягкий, слишком заученный.

«Вам осталось шесть месяцев».

Шесть.

Месяцев.

Грудь сдавило, словно я снова оказалась там, глядя на белые стены, и моё будущее сжалось до обратного отсчёта.

Затем... мой парень. Моя лучшая подруга. Их сплетённые тела. Предательство, что жгло сильнее, чем диагноз.

Бар. Алкоголь. Отчаяние. То, как я хотела забыться. Исчезнуть. Почувствовать что-то, кроме страха. Мужчины.

Эти мужчины.

Моё дыхание резко прервалось.

«О Боже...» – прошептала я.

Губы Люциана изогнулись в улыбке. «А вот и оно».

Я яростно замотала головой. «Нет. Нет, нет, нет...»

Дрейвен сделал шаг вперёд.

Я вздрогнула.

«Тише», – сказал он низким, грубоватым голосом. – «Ты в безопасности».

В безопасности?

Это слово прозвучало абсурдно.

«Я...» – горло сжалось. Мой голос превратился в шёпот. – «Я помню, что согласилась забыться. Всего на одну ночь».

Усмешка Азриэля смягчилась, став чем-то нечитаемым. «И ты забылась».

Жар пополз вверх по шее, когда тело предало меня воспоминаниями, которые я не видела полностью, а лишь ощущала... жар, близость, направляющие руки, голоса, шепчущие моё имя, словно оно имело значение.

Я с трудом сглотнула.

Мои руки дрожали.

«Я...» – в глазах зашипало. – «Я никогда... В смысле, я была...»

Люциан медленно поднялся с кресла, его движения были неторопливыми, продуманными. От него без усилий исходила властность.

«Невинной», – закончил он.

Я кивнула, прежде чем смогла себя остановить. В комнате воцарилась тишина. Густая, удушающая. Мой разум ли-

хорачно работал, закручиваясь в спираль, соединяя части, к которым я не была готова.

Ломота.

То, как моё тело ощущалось иначе. Открытым. Изменившимся. Навсегда. Грудь мучительно сжалась. Я уставилась на свои дрожащие руки, сжимающие простыни. Одна-единственная мысль пронзила меня, громкая и беспощадная.

Я...

Слово эхом отдавалось в моей голове, будто ему негде было приземлиться.

Дыхание прервалось.

Не мягкий вздох. Не робкий. Он вырвался из моей груди, резкий и сдавленный, словно мои лёгкие внезапно вспомнили, что принадлежат телу, которое использовали, растянули до точки невозврата.

Я больше не девственница?

Осознание не пришло мягко. Оно обрушилось на меня, жестокое и беспощадное. Желудок ухнул вниз так сильно, что я подумала, меня стошнит. Жар пополз по позвоночнику, но это был не жар удовольствия... ни в коем случае, а жар унижения, густой и удушающий.

Я снова уставилась на них.

На этот раз – по-настоящему.

Трое мужчин.

Трое.

Комната слегка накренилась, словно мир издевался надо

мною, испытывая моё умение держать равновесие. Мои пальцы вцепились в простыни, костяшки побелели, когда меня накрыла очередная волна шока.

Я переспала с тремя друзьями.

Мысль казалась нереальной, словно из чужой жизни. Жизни кого-то безрассудного. Кого-то настолько опустошённого, что ему всё равно. Но боль между бёдер, ноющая ломота, то, как ощущалось моё тело... изменившимся, доказывало, что это была моя жизнь.

Я открыла рот.

Я собиралась заговорить.

Закричать.

Потребовать ответов, извинений, чего-нибудь.

«Должен признать», – сказал Люциан.

Его голос прорезал тишину в комнате с хирургической точностью, гладкий, жестокий и чересчур спокойный. Я медленно повернулась к нему, сердце колотилось, а в животе свернулся ледяной страх.

«Должен признать, – повторил Люциан, и его голос сочился шёлковым снисхождением, – для новичка ты была на удивление... эффективна. Большинство девушек с твоим „отсутствием опыта“ – неуклюжие и неловкие. А ты? Ты вела себя так, будто тебе нужно было что-то доказать. Впечатляюще, в некотором отчаянном роде».

Слово «отчаянном» ударило меня, как физический удар. Не метафорический. Не эмоциональный.

Физический.

Мою грудь яростно сжало, дыхание застряло на полпути. Казалось, будто он залез внутрь меня и раздавил между пальцами что-то жизненно важное. Тепло в моей крови превратилось в лёд, быстро распространяясь, одновременно леденящий и острый.

«Эффективна?» – прошептала я.

Мой голос сорвался на этом слове, став тонким и недоверчивым, словно он больше мне не принадлежал. Я посмотрела на Дрейвена.

Он смотрел на меня... по-настоящему смотрел, но его лицо было непроницаемым, каменным, нечитаемым. Ни сожаления. Ни мягкости. Только контроль. Всегда контроль.

Потом на Азриэля.

Ему было почти скучно.

Скучно.

Он играл с выбившейся прядью моих волос, накручивая её на палец, словно это ничего не значило, словно я ничего не значила.

И тут до меня дошло.

Не королева. Не желанная. Не избранная.

Реальность обрушилась на меня с жестокой ясностью. Я не была «королевой» на одну ночь. Я была новинкой. Общим развлечением. Игрушкой, которую они передавали друг другу, чтобы посмотреть, сломается ли она.

Что-то внутри меня щёлкнуло.

Ярость вскипела, горячая и ослепляющая, прожигая боль в груди, как бензин в огне. Мои руки двинулись раньше, чем разум успел среагировать. Я вскочила на кровати, шёлковая простыня соскользнула с моего тела, бесполезно собираясь у бёдер.

Люциан даже не успел до конца ухмыльнуться.

ХЛОПОК.

Звук был громким. Резким. Окончательным.

Моя ладонь врезалась в его щеку так сильно, что моя собственная рука мгновенно онемела, а по ней вверх прострелила боль. Его голова дёрнулась в сторону, и эхо отскочило от стен, как выстрел в огромной комнате.

«Как ты смеешь», – прошипела я.

Слова дрожали, но не от страха. От ярости, такой сильной, что, казалось, она разорвёт меня изнутри. «Как ты смеешь так со мной разговаривать».

Люциан медленно поднёс руку к лицу.

Слишком медленно.

Когда он снова посмотрел на меня, его глаза вспыхнули смертоносным серебряным светом, которого я раньше не видела. Под его спокойствием шевельнулось что-то опасное.

За его спиной выпрямился Дрейвен.

Воздух изменился.

Его присутствие давило на меня, тёмное и удушающее, словно сама комната решила принять чью-то сторону.

Мне было всё равно.

Я развернулась к Азриэлю, и ярость сфокусировалась на нём, как лезвие. Он уже сел, на его лице промелькнуло удивление – очевидно, он такого не ожидал.

«А ты, – рывкнула я, ткнув дрожащим пальцем ему в грудь. – Радуйся, что ты такой красавчик, Азриэль. Потому что если бы это было не так, я бы вlepила тебе так, что голова бы на спине оказалась».

«Принцесса...» – начал Азриэль, и эта его безрассудная ухмылка попыталась вернуться на лицо, как дурная привычка.

«Заткнись! Не называй меня так!» – закричала я.

Слово «принцесса» теперь звучало как насмешка. Словно они смеялись над тем, как легко меня одурачили.

Я дико оглядела комнату, мой взгляд упал на пол, где валялась моя брошенная одежда.

Испорченная.

Шёлковый топ был порван сбоку. Юбка растянута, в пятнах, непригодна для носки.

«Моя одежда уничтожена», – сказала я, и мой голос снова сорвался, на этот раз резкий от разочарования и унижения. – «Мне нужно что-то надеть. Сейчас же».

«Мы можем достать тебе платье...» – начал Люциан низким, опасным голосом.

«Я не хочу платье!» – отрезала я. – «Я хочу футболку и шорты. Сейчас же!»

На мгновение все замерли.

Затем Азриэль удивил меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.